

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак

1916–1922

П я т ь п о в е с т е й

Вдохновение

Встреча

Маргарита

Мефистофель

Шекспир

Т е м а с в а р и а ц и я м и

Тема

Вариации

Болезнь

Р а з р ы в

я и х м о г п о з а б ы т ь

Н е с к у ч н ы й с а д

С т и х и р а з н ы х л е т

1918–1931

С м е ш а н н ы е с т и х о т в о р е н и я

Другу

Анне Ахматовой

Марине Цветаевой

Мейерхольдам

Пространство

Бальзак

Бабочка – буря

Отплытие

Рослый стрелок, осторожный охотник,

Петухи

Ландыши

Сирень

Любка

Брюсову

Памяти Рейснер

Приближение грозы

Э п и ч е с к и е м о т и в ы

Город

Двадцать строф с предисловием

Уральские стихи

Матрос в Москве

9-е января

К октябрьской годовщине

Белые стихи

В ы с о к а я б о л е з н ь

1923. 1928

Мелькает движущийся ребус,

Д е в я т ь с о т п я т ы й г о д

июль 1925 – февраль 1926

В нашу прозу с ее безобразьем

Отцы

Детство

Мужики и фабричные

Морской мятеж

Студенты

Москва в декабре

Л е й т е н а н т ш м и д т

март 1926 – март 1927

Часть первая

Часть вторая

Часть третья

С п е к т о р с к и й

(1925 – 1931)

Т е м ы и в а р и а ц и и

1916–1922

П я т ь п о в е с т е й

Вдохновение

По заборам бегут амбразуры, образуются бреши в стене, когда ночь оглашается фурией Повестей, неизвестных весне.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Без клещей приближение фургона Вырывает из ниш костыли Только гулом свершенных
прогонов, Подымающих пыль издали.

Этот грохот им слышен впервые. Завтра, завтра понять я вам дам, Как рвались из
ворот мостовые, Вылетая по жарким следам.

Как в росистую хвойную скорбкость Скипидарной, как утро, струи Погружали
постройки свой корпус И лицо окунал конвоир.

О, теперь и от лип не в секрете: Город пуст по зарям оттого, Что последний из
смертных в карете

В то же утро, ушам не поверя, Протереть не успевши очей, Сколько бедных,
истерзанных перьев Рвется к окнам из рук рифмачей!

Встреча

Вода рвалась из труб, из луночек, Из луж, с заборов, с ветра, с кровель С
шестого часа пополудни, С четвертого и со второго.

На тротуарах было скользко, И ветер воду рвал, как вретище, И можно было до
подольска Добраться, никого не встретивши. В шестом часу, куском ландшафта С
внезапно подсыревшей лестницы, Как рухнет в воду, да как треснется Усталое:
"Итак, до завтра!" Автоматического блока Терзанья дальше начинались, Где с
предвкушением водостоків Восток шаманил машинально. Дремала даль, рядясь
неряшливо Над ледяной окрошкой в иней, И вскрикивала и покашливала За пьяной
мартовской ботвиньей. И мартовская ночь и автор шли рядом, и обоих спорящих
Холодная рука ландшафта Вела домой, вела со сборища. И мартовская ночь и автор
шли быстро, вглядываясь изредка В мелькавшего как бы взаправду И вдруг
скрывавшегося призрака. То был рассвет. И амфитеатром, Явившимся на зов
предвестницы, Неслось к обоим это завтра, Произнесенное на лестнице. Оно с
багетом шло, как рамошник. Деревья, здания и храмы Нездешними казались,
тамошними, В провале недоступной рамы. Смещенных выносили замертво, Смещались
вправо по квадрату. Смещенных выносили замертво, Никто не замечал утраты.

Маргарита

Разрывая кусты на себе, как силок, Маргаритиных стиснутых губ лиловей, Горячей,
чем глазной маргаритин белок, Бился, щелкал, царил и сиял соловей. Он как запах
от трав исходил. Он как ртуть Очумелых дождей меж черемух висел. Он кору одурял,
Задыхаясь, ко рту Подступал. Оставался висеть на косе. И, когда изумленной рукой
проводя По глазам, маргарита влеклась к серебру, То казалось, под каской ветвей
и дождя Повалилась без сил амазонка в бору.

И затылок с рукою в руке у него, А другую назад заломила, где лег, Где застрял,
где повис ее шлем теневой, Разрывая кусты на себе, как силок.

Мефистофель

Из массы пыли за заставы По воскресеньям высыпали, Меж тем как, дома не застав
их, Ломились ливни в окна спален.

Велось у всех, чтоб за обедом Хотя б на третье дождь был подан, Меж тем как
вихрь – велосипедом Летал по комнатным комодам.

Меж тем как там до потолков их Взлетали шелковые шторы, Расталкивали бестолковых
Пруды, природа и просторы.

Длиннейшим поездом линеек Позднее стягивались к валу, Где тень, пугавшая коней
их, Ежевечерне оживала.

В чулках как кровь, при паре бантов, По залитой зарей дороге, Упав как лямки с
барабана, Пылили дьяволы ноги.

Казалось, захлестав из низкой Листвы струей высокомерья, Снесла б весь мир
надменность диска И терпит только эти перья.

Считая ехавших, как вехи, Едва прикладываясь к шляпе, Он шел, откидываясь в

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
смехе, Шагал, приятеля облапя.

Шекспир

Извозчиный двор и встающий из вод В уступах – преступный и пасмурный Тауэр, И
звонкость подков и простуженный звон Вестминстера, глыбы, закутанной в траур. И
тесные улицы; стены, как хмель, Копящие сырость в разросшихся бревнах, Угрюмых,
как копоть, и бражных, как эль, Как лондон, холодных, как поступь, неровных.
Спиральями, мешкотно падает снег. Уже заперали, когда он, обрюзгший, Как сползший
набрюшник, пошел в полусне Валить, засыпая уснувшую пустошь. Оконце и зерна
лиловой слюды В свинцовых ободьях. – "Смотря по погоде. А впрочем... А впрочем,
соснем на свободе. А впрочем – на бочку! Цирюльник, воды!" И, бреясь, гогочет,
держась за бока, Словам остряка, не уставшего с пира Цедить сквозь приросший
мундштук чубака Убийственный вздор. А меж тем у шекспира Остричь пропадает
охота. Сонет, Написанный ночью с огнем, без помарок, За дальним столом, где
подкисший ранет Нырять, обнявшись с клешнею омара, Сонет говорит ему:

"Я признаю Способности ваши, но, гений и мастер, Сдается ль, как вам, и тому, на
краю Бочонка, с намыленной мордой, что мастью Весь в молнию я, то есть выше по
касте, Чем люди, – короче, что я обдаю Огнем, как на нюх мой, зловоньем ваш
кнастер? Простите, отец мой, за мой скептицизм Сыновний, но сэр, но милорд, мы –
в трактире. Что мне в вашем круге? Что ваши птенцы Пред плещущей чернью? Мне
хочется шири! Прочтите вот этому. Сэр, почему ж? Во имя всех гильдий и биллей!
Пять ярдов И вы с ним в бильярдной, и там – не пойму, Чем вам не успех
популярность в бильярдной?" – Ему? Ты сбесился? – И кличет слугу, И, нервно играя
малаговой веткой, Считает: полпинты, французский рагу И в дверь, запустя в
приведенье салфеткой.

Т е м а с в а р и а ц и я м и

...Вы не видали их,

Египта древнего живущих изваяний,

С очами тихими, недвижимых и немых,

С челом, сияющим от царственных венчаний.

.....

Но вы не зрели их, не видели меж нами

И теми сфинксами таинственную связь.

Ап. Григорьев

Тема

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа. Скала и – Пушкин. Тот, кто и сейчас, Закрыв
глаза, стоит и видит в сфинксе Не нашу дичь: не домыслы втупик Поставленного
грека, не загадку, Но предка: плоскогубого хамита, Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспою, пустыней, И больше ничего. Скала и шторм.

В осатаненый люющее пиво С усов обрывов, мысов, скал и кос, Мелей и миль. И
гул, и полыханье Окаченной луной, как из лохани, Пучины. Шум и чад и шторм
взасос, Светло, как днем. Их озаряет пена. От этой точки глаз нельзя отвлечь.
Прибой на сфинкса не жалеет свеч И заменяет свежими мгновенно. Скала и шторм.
Скала и плащ и шляпа. На сфинксовых губах – соленый вкус Туманностей. Песок
кругом заляпан Сырыми поцелуями медуз.

Он чешуи не знает на сиренах, И может ли поверить в рыбий хвост Тот, кто хоть
раз с их чашечек коленных Пил бившийся, как об лед, отблеск звезд?

Скала и шторм и – скрытый ото всех Нескромных – самый странный, самый тихий,
Играющий с эпохи псамметиха Углами скул пустыни детский смех...

Вариации

1. Оригинальная

Над шабашем скал, к которым Сбегаются с пеной у рта, Чадя, трапезундские штормы, Когда якорям и портам, И выбросам волн, и разбухшим Утопленникам, и седым Мосткам набивается в уши Клокастый и пильзенский дым. Где ввысь от утеса подброшен фонтан, и кого-то позвать Срываются гребни, но - тошно И страшно, и - рвется фосфат. Где белое бешенство петель, Где грохот разостланных гроз, Как пиво, как жеванный бетель, Песок осушает взасос. Что было наследием кафров? Что дал царскосельский лицей? Два бога прощались до завтра, Два моря менялись в лице: Стихия свободной стихии С свободной стихией стиха. Два дня в двух мирах, два ландшафта, Две древние драмы с двух сцен.

2. Подражательная

На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн. Был бешен шквал. Песком сгущенный, Кровавился багровый вал. Такой же гнев обуревал Его, и, чем-то возмущенный, Он злобу на себе срывал. В его устах звучало "завтра", Как на устах иных "вчера". Еще не бывших дней жара Воображалась в мыслях кафру, Еще невыпавший туман Густые целовал ресницы. Он окунал в него страницы Своей мечты. Его роман вставал из мглы, которой климат Не в силах дать, которой зной Прогнать не может никакой, которой ветры не подымут И не рассеют никогда Ни утро мая, ни страда. Был дик открывшийся с обрыва Бескрайний вид. Где огибал Купальню гребень белогривый, Где смерчь на воле погибал, В последний миг еще качаясь, Трубя и в отклике отчаясь, Борясь, чтоб захлебнуться в миг И сгинуть вовсе с глаз. Был дик открывшийся с обрыва сектор Земного шара, и дика Необоримая рука, Пролившая соленый нектар В пространство слепнувших снастей, На протяженья дней и дней, В сырые сумерки крушений, На милость черных вечеров... На редкость дик, на восхищенье Был вольный этот вид суров.

Он стал спускаться. Дикий чашник Гремел ковшом, и через край Бежала пена. Молочай, Полынь и дрок за набалдашник Цеплялись, затрудняя шаг, И вихрь степной свистел в ушах. И вот уж бережок, пузырясь, Заколыхал камыш и ирис, И набежала рябь с концов. Но неподернут и свинцов Посередине мрак лиловый. А рябь! Как будто рыболова Свинцовый грузик заскользил, Осунулся и лег на ил С непереимчивой ужимкой, С какою пальцу самолов Умеет намекнуть без слов: Вода, мол, вот и вся поимка. Он сел на камень. Ни одна Черта не выдала волненья, С каким он погрузился в чтение Евангеля морского дна. Последней раковине дорог Сердечный шелест, капля сна, которой мука солона, Ее сковавшая. Из створок Не вызвать и клинком ножа Того, чем боль любви свежа. Того счастливейшего всхлипа, Что хлынул вон и создал риф, Кораллам губы обагрив, И замер на устах полипа.

3

Мчались звезды. В море мылись мысы. Слепла соль. И слезы высыхали. Были темны спальни. Мчались мысли, И прислушивался сфинкс к сахару. Плыли свечи. И, казалось, стынет Кровь колосса. Заплывали губы Голубой улыбкою пустыни. В час отлива ночь пошла на убыль. Море тронул ветерок с марокко. Шел самум. Храпел в снегах архангельск. Плыли свечи. Черновик "пророка" Просыхал, и брезжил день на ганге.

4

Облако. Звезды. И сбоку Шлях и - алеко. Глубок Месяц земфирина ока: Жаркий бездонный белок. Задраны к небу оглобли. Лбы голубее олив. Табор глядит исподлобья, В звезды мониста вперив. Это ведь кровли халдеи Напоминает! Печет, Лунно; а кровь холодеет. Ревность? Но ревность не в счет! Стой! Ты похож на сирийца. Сух, как скопец-звездочет. Мысль озарилась убийством. Мщенье? Но мщенье не в счет! Тень, как навязчивый евнух. Табор покрыло плечо. Яд? Но по кодексу гневных Самоубийство не в счет! Прянул, и пыхнули ноздри. Не уходился еще? Тише, скакун, - заподозрят. Бегство? Но бегство не в счет!

5

Цыганских красок достигал, Болел цыганкой и тайн не делал Из черных дырок тростника В краю воров и виноделов.

Забором крался конокрад, Загаром крылся виноград, Клевали кисти воробьи, кивали безрукавки чучел, Но шорох гроздий перебив, Какой-то рокот мер и мучил.

Там мрело море. Берега Гремели, осыпался гравий. Тошнило гребни изрыгать,
Барашки грязные играли.

И шквал за шабо бушевал, И выворачивал причалы. В рассоле крепла бечева, И
шторма тошнота крепчала.

Раскатывался балкой гул, Как баней шваркнувшая шайка, Как будто говорил кагул В
ночах с очаковскою чайкой.

6

В степи охладевал закат, И вслушивался в звон уздечек, В акцент звонков и языка
Мечтательный, как ночь, кузнечик.

И степь порою спрехвала Волок, как цепь, как что-то третье, Как выпавшие удила,
Стреноженный и сонный ветер.

Истлела тряпок пестрота, И, захладев, как медь безмена, Завел глаза, чтоб
стрекотать, И засинел, уже безмерный, Уже, как песнь, безбрежный юг, Чтоб перед
этой песнью дух Невесть каких ночей, невесть каких стоянок перевесть.

Мгновенье длился этот миг, Но он и вечность бы затмил.

Болезнь

1

Больной следит. Шесть дней подряд Смерчи беснуются без устали. По кровле
катятся, бодрят, Бушуют, падают в бесчувствии. Среди вьюг проходит рождество. Он
видит сон: пришли и подняли. Он вскакивает. "Не его ль?" (Был зов. Был звон. Не
новогодний ли?) Вдали, в кремле гудит иван, Плывет, ныряет, зарывается. Он спит.
Пурга, как океан В величьи, - тихой называется.

2

С полу, звездами облитого, К месяцу, вдоль по ограде Тянется волос ракитовый,
Дыбятся клочья и пряди. Жутко ведь, вея, окутывать дымами кассиопею! Наутро
куколкой тутовой Церковь свернуться успеет. Что это? Лавры ли киева Спят купола,
или эдду Север взлелеял и выявил Перлом предвечного бреда? Так это было.
Тогда-то я, Дикий, скользкий, растущий, Встал среди сада рогатого Призраком
тени пастушьей. Был он, как лось. До колен ему Снег доходил, и сквозь ветви
Виделась взору оленьему На полночь легшая четверть. Замер загадкой, как
вкопанный, Глядя на поле лепное: В звездную стужу, как сноп, оно Белой плескало
копною. До снегу гнулся. Подхватывал С полу, всей мукой извилин Звезды и ночь. У
сохатого Хаос веков был не спилен.

3

Может статься так, может иначе, Но в несчастный некий час Духовенств душней,
черней иночеств Постигает безумье нас.

Стужа. Ночь в окне, как приличие, Соблюдает холод льда. В шубе, в креслах дух, и
мурлычит - и Все одно, одно всегда.

И чекан сука, и щека его, И паркет, и тень кочерги Отливают сном и раскаяньем
Сутки сплошь грешившей пурги.

Ночь тиха. Ясна и морозна ночь, Как слепой щенок - молоко, Всею темью пихт
неосознанной Пьет сиянье звезд частокол.

Будто каплет с пихт. Будто теплятся. Будто воском ночь заплыла. Лапой ели на ели
слепнет снег, На дупле - силуэт дупла.

Будто эта тишь, будто эта высь, Элегизм телеграфной волны Ожиданье, сменившее
крик: "Отзовись!" Или эхо другой тишины.

Будто нем он, взгляд этих игл и ветвей, А другой, в высотах, - тугоух, И

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
сверканье пути на раскатах – ответ На взыванье чьего-то ау.

Стужа. Ночь в окне, как приличие, Соблюдает холод льда. В шубе, в креслах дух, и мурлычет – и Все одно, одно всегда.

Губы, губы! Он стиснул их до крови, Он трясется, лицо обхватив. Вихрь догадок родит в биографе Этот мертвый, как мел, мотив.

4. Фуфайка больного

От тела отдельную жизнь, и длинней Ведет, как к груди непричастный пингвин, Бескрылая кофта больного – фланель: То каплю тепла ей, то лампу придвинь. Ей помнятся лыжи. От дуг и от тел, Терявшихся в мраке, от сбруи, от бар Валило! Казалось – сочельник потел! Скрипели, дышали езда и ходьба. Усадьба и ужас, пустой в остальном: Шкафы с хрусталем, и ковры, и лари. Забор привлекало, что дом воспален. Снаружи казалось, у люстр плеврит. Снедаемый небом, с зимою в очах, Распухший кустарник был бел, как испуг. Из кухни, за сани, пылавший очаг Крал на снег огромные руки стряпух.

5. Кремль в буран конца 1918 года

Как брошенный с пути снегам Последней станцией в развалинах, Как полем в полночь, в свист и гам, Бредущий через силу в валяных, Как пред концом в упадке сил С тоски взывающий к метелице, Чтоб вихрь души не угасил, К поре, как тьмою все застелится. Как схваченный за обшлага Хохочущею вьюгой нарочный, Ловящий кисти башлыка, Здоровающею в наручных. А иногда! – А иногда, Как пригнанный канатом накороть Корабль, с гуденьем, прочь к грядам Срывающийся чудом с якоря, Последней ночью, несравним Ни с чем, какой-то странный, пенный весь, Он, кремль, в оснастке стольких зим, На нынешней срывает ненависть. И грандиозный, весь в былом, Как визионера дивинация, Несется, грозный, напролом, Сквозь неистекший в девятнадцатый. Под сумерки к тебе в окно Он всею медью звонниц ломится. Бойтся, видно, – год мелькнет, Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток вьюг, Сужденных башням в восемнадцатом, Бушует, прядает вокруг, Видать – не наигрались насыто.

За морем этих непогод Предвижу, как меня, разбитого, Ненаступивший этот год Возьметса сызнава воспитовать.

6. Январь 1919 года

Тот год! Как часто у окна Нашептывал мне, старый: "Выкинься". А этот, новый, все прогнал Рождественскою сказкой диккенса.

Вот шепчет мне: "Забудь, встряхнись!" И с солнцем в градуснике тянется Точь-в-точь, как тот дарил стрихнин И падал в пузырек с цианистым.

Его зарей, его рукой, Ленивым веяньем волос его Почерпнут за окном покой У птиц, у крыш, как у философов.

Ведь он пришел и лег лучом С панелей, с снеговой повинности. Он дерзок и разгорячен, Он просит пить, шумит, не вынести.

Он вне себя. Он внес с собой Дворовый шум и – делать нечего: На свете нет тоски такой, Которой снег бы не вылечивал.

7

Мне в сумерки ты все – пансионеркою, Все школьницей. Зима. Закат лесничим В лесу часов. Лежу и жду, чтоб смерклося, И вот – айда! Аукаемся, кличем.

А ночь, а ночь! Да это ж ад, дом ужасов! Проведай ты, тебя б сюда пригнало! Она – твой шаг, твой брак, твоё замужество, И тяжелей дознаний трибунала. Ты помнишь жизнь? Ты помнишь, стаей горлинок Летели хлопья грудью против гула. Их вихрь крутил, кутя, валясь прожорливо С лотков на снег, их до панелей гнуло! Перебегала ты! Ведь он подсовывал Ковром под нас салазки и кристаллы! Ведь жизнь, как кровь, до облака пунцового Пожаром вьюги озарясь, хлестала! Движенья помнишь? Помнишь время? Лавочниц? Палатки? Давку? За разменом денег Холодных,

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
звонких, помнишь, помнишь давешних Колоколов предпраздничных гуденье? Увы, любовь! Да, это надо высказать! Чем заменить тебя? Жирами? Бромом? Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса Гляжу, страшась бессонницы огромной. Мне в сумерки ты будто все с экзамена, Все – с выпуска. Чижи, мигрень, учебник. Но по ночам! Как просят пить, как пламенны Глаза капсуль и пузырьков лечебных!

Р а з р ы в

1

О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б, И я б опоил тебя чистой печалью! Но так – я не смею, но так – зуб за зуб! О скорбь, зараженная ложью вначале, О горе, о горе в проказе! О ангел залгавшийся, – нет, не смертельно Страданье, что сердце, что сердце в экземе! Но что же ты душу болезнью нательной Даришь на прощанье? Зачем же бесцельно Целуешь, как капли дождя, и как время, Смеясь, убиваешь, за всех, перед всеми!

2

О стыд, ты в тягость мне! О совесть,

в этом раннем Разрыве столько грез, настойчивых еще! Когда бы, человек, – я был пустым собраньем Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек! Тогда б по свисту строф, по крику их, по знаку, По крепости тоски, по юности ее Я б уступил им всем, я б их повел в атаку, Я б штурмовал тебя, позорище мое!

3

От тебя все мысли отвлеку Не в гостях, не за вином, так на небе. У хозяев, рядом, по звонку Отопрут кому-нибудь когда-нибудь.

Вырвусь к ним, к бряцанью декабря. Только дверь – и вот я! Коридор один. "Вы оттуда? Что там говорят? Что слышать? Какие сплетни в городе?"

Ошибается ль еще тоска? Шепчет ли потом: "казалось – вылитая". Приготовься футов с сорока Разлететься восклицаньем: "Вы ли это?"

Пощадят ли площади меня? Ах, когда б вы знали, как тоскуется, Когда вас раз сто в теченье дня На ходу на сходствах ловит улица!"

4

Помешай мне, попробуй. Приди, покусись потушить Этот приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть

в пустоте Торичелли. Воспрети, помешательство, мне, – о приди, посягни! Помешай мне шуметь о тебе! Не стыдись, мы одни. О, туши ж, о, туши! Горячее!

5

Заплети этот ливень, как волны, холодных локтей И как лилий, атластных и властных бессильем

ладоней! Отбивай, ликование! На волю! Лови их,

ведь в бешеной этой лапте Голошенье лесов, захлебнувшихся эхом охот

в калидоне, Где, как лань, обеспамятев, гнал аталанту

к поляне актей, Где любили бездонной лазурью, свистевшей в ушах

лошадей, Целовались залиvistым лаем погони И ласкались раскатами рога и треском деревьев,

копыт и когтей. – о, на волю! На волю – как те!

6

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Разочаровалась? Ты думала – в мире нам Расстаться за реквиемом лебединым? В расчете на горе, зрочками расширенными, В слезах, примеряла их непобедимость? На мессе б со сводов посыпалась стенопись, Потрясшись игрой на губах себастьяна. Но с нынешней ночи во всем моя ненависть Растянутасть видит, и жаль, что хлыста нет. Впотьмах, моментально опомнясь, без медлящего Раздумья, решила, что все перепашет. Что – время. Что самоубийство ей не для чего. Что даже и это есть шаг черепаший.

7

Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь как ночью,

в перелете с бергена на полюс, Валящим снегом с ног гагар сносимый жаркий пух,
Клянусь, о нежный мой, клянусь, я не неволюсь, Когда я говорю тебе – забудь,
усни, мой друг. Когда, как труп затертого до самых труб

норвежца, В веденьи зим, не движущих заиндевелых мачт, Ношусь в сполохах глаз
твоих шутливым – спи,

утешься, До свадьбы заживет, мой друг, угомонись,

не плачь. Когда совсем как север вне последних поселений, Украдкой от
арктических и неусыпных льдин, Полночным куполом полощущий глаза слепых

Тюленей, я говорю – не три их, спи забудь:

все вздор один.

8

Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею Налечь на борт и локоть завести За
край тоски, за этот перешеек Сквозь столько верст прорытого прости. (Сейчас там
ночь.) За душный свой затылок. (и спать легли.) Под царства плечь твоих. (и
тушат свет.) Я б утром возвратил их. Крыльцо б коснулось сонной ветвью их. Не
хлопьями! Руками крой! – Достанет! О, десять пальцев муки, с бороздой крещенских
звезд, как знаков опазданья В пургу на север шедших поездов!

9

Рояль дрожащий пену с губ оближет. Тебя сорвет, подкосит этот бред. Ты скажешь:
– Милый! – Нет, – вскричу я, – нет! При музыке? – Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник, Меча в камин комплектами, погодно? О
пониманье дивное, кивни, Кивни, и изумишься! – Ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори. Ступай к другим. Уже написан вертер, А в наши дни и
воздух пахнет смертью: Открыть окно, что жилы отворить.

я и х м о г п о з а б ы т ь

1. Клеветникам

О детство! Ковш душевной глуби! О всех лесов абориген, Корнями вросший в
самолюбье, Мой вдохновитель, мой регент!

Что слез по стеклам усыхало! Что сохло ос и чайных роз! Как часто угасавший хаос
Багровым папортником рос!

Что вдавленных сухих костяшек, Помешанных клавиатур, Бродячих, черных и
грустящих, Готовя месть за клевету!

Правдоподобье бед клеветет, Соседство богачей, Хозяйство за дверьми клеветет,
Веселый звон ключей.

Рукопожатье лжи клеветет, Манишек аромат, Изящество дареной вещи, Клеветет
хиромант. Ничтожность возрастов клеветет. О юные, – а нас? О левые, – а нас,
левейших, Румянясь и юнясь? О солнце, слышишь? "Выручь денег". Сосна, нам снится?
"Напрягись". О жизнь, нам имя вырожденье, Тебе и смыслу вопреки. Дункан седых

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
догадок – помощь! О смута сонмищ в отпусках, О боже, боже, может, вспомнишь,
Почем нас людям отпускаял?

2

Я их мог позабыть? Про родню, Про моря? Приласкаться к плацкарте? И за оргию чувств – в западню? С ураганом – к ордалиям партий? За окшко, в купе, к погребцу? Где-то слезть? Что-то снять? Поселиться? Я горжусь этой мукой. Рубцуй! По когтям узнаю тебя, львица. Про родню, про моря. Про абсурд Прозябанья, подобного каре. Так не мстят каторжанам. – Рубцуй! О, не вы, это я – пролетарий! Это правда. Я пал. О, секи! Я упал в самомнении зверя. Я унизил себя до неверья. Я унизил тебя до тоски.

3

Так начинают. Года в два От мамки рвутся в тьму мелодий, Щебечут, свищут, – а слова Являются о третьем годе. Так начинают понимать. И в шуме пущенной турбины Мерещится, что мать – не мать, что ты – не ты, что дом – чужбина. Что делать страшной красоте Присевшей на скамью сирени, Когда и впрямь не красть детей? Так возникают подозренья. Так зреют страхи. Как он даст Звезде превысить досяганье, Когда он фауст, когда фантаст? Так начинаются цыгане.

Так открываются, паря Поверх плетней, где быть домам бы, Внезапные, как вздох, моря. Так будут начинаться ямбы.

Так ночи летние, ничком Упав в овсы с мольбой: исполнься, Грозят заре твоим зрачком. Так затевют ссоры с солнцем.

Так начинают жить стихом.

4

Нас мало. Нас, может быть, трое Донецких, горючих и адских Под серой бегущей корою Дождей, облаков и солдатских Советов, стихов и дискуссий О транспорте и об искусстве.

Мы были людьми. Мы эпохи. Нас сбило и мчит в караване, Как тундру, под тендера вздохи И поршней и шпал порыванье. Слетимся, ворвемся и тронем, Закружимся вихрем вороньим

И – мимо! Вы поздно поймете. Так, утром ударивши в ворох Соломы, – с момент на намете След ветра живет в разговорах Идущего бурно собранья Деревьев над кровельной дранью.

5

Косых картин, летящих ливня С шоссе, задувшего свечу, С крюков и стен срываться к рифме И падать в такт не отучу.

Что в том, что на вселенной – маска? Что в том, что нет таких широт, Которым на зиму замазкой Зажать не вызвались бы рот? Но вещи рвут с себя личину, Теряют власть, роняют честь, Когда у них есть петь причина, Когда для ливня повод есть.

Н е с к у ч н ы й с а д

1. Нескучный

Как всякий факт на всяком бланке, Так все дознанья хороши О вакханалиях изнанки Нескучного любой души. Он тоже – сад. В нем тоже – скучен Набор уставших цвель пород. Он тоже, как сад, – нескучен От набережной до ворот. И, окуная парк за старой Беседкою в заглухий пруд, Похож и он на тень гитары, С которой, тешась, струны рвут.

2

Достатком, а там и пирами И мебелью стиля жакоб Иссушат, убьют темперамент, Гудевший, как ветвь жуком. Он сыплет искры с зубьев, Когда, сгребя их в ком, Ты бесов самолюбья

Терзаешь гребешком. В осанке твоей: "С кой стати?", Любовь, а в губах у тебя
Насмешливое: "Оставьте, Вы хуже малых ребят". О свежесть, о капля смарагда В
упившихся ливнем кистях, О сонный начес беспорядка, О дивный, божий пустяк!

3. Орешник

Орешник тебя отрешает от дня, И мшистые солнца ложаться с опушки То решкой на
плотное тленье пня, То мутно-зеленым орлом на лягушку.

Кусты обгоняют тебя, и пока С родимую чащей сроднишься с отвычки, Она уж
безбрежна: ряды кругляка, И роща редееет, и птичка как гичка, И песня как пена, и
наперерез, Лазурь забирая, нырком, душегубкой И мимо... И долго безмолвствует
лес, Следя с облаков за пронесшейся шляпкой.

О место свиданья малины с грозой, Где, в тучи рогами лишайника тычась, Горят,
одуряя наш мозг молодой, Лиловые топи угасших язычеств!

4. В лесу

Луга мутило жаром лиловатым, В лесу клубился кафедральный мрак. Что оставалось в
мире целовать им? Он весь был их, как воск на пальцах мяк.

Есть сон такой, не спишь, а только снится, Что жаждешь сна; что дремлет человек,
Которому сквозь сон палят ресницы Два черных солнца, бьющих из под век.

Текли лучи. Текли жуки с отливом. Стекло стрекоз сновало по щекам. Был полон лес
мерцаньем кропотливым, Как под щипцами у часовщика.

Казалось, он уснул под стук цифири, Меж тем как выше, в терпком янтаре,
Испытаннейшие часы в эфире Переставляют, сверив по жару.

Их переводят, сотрясают иглы И сеют тень, и мают, и сверлят Мачтовый мрак,
который ввысь воздвигло, В истому дня, на синий циферблат.

Казалось, древность счастья облетает. Казалось, лес закатом снов объят.
Счастливые часов не наблюдают, Но те, вдвоем, казалось, только спят.

5. Спасское

Незабвенный сентябрь осыпается в спасском. Не сегодня ли с дачи съезжать вам
пора? За плетнем перекликнулось эхо с подпаском И в лесу различило удар топора.
Этой ночью за парком знобило трясину. Только солнце взошло, и опять наутек.
Колокольчик не пьет костоломных росинок. На березах несмытый лиловый отек. Лес
хандрит. И ему захотелось на отдых, Под снега, в непробудную спячку берлог. Да и
то, меж стволов, в почерневших обводах Парк зияет в столбцах, как сплошной
некролог. Березняк престал ли линять и пятнаться, Водянистую сень потуплять и
редеть? Этот ропщет еще, и опять вам пятнадцать И опять, о дитя, о, куда нам их
дети? Их так много уже, что не все ж куролесить. Их что птиц по кустам, что
грибов за межой. Ими свой кругозор уж случилось завесить, Их туманом случалось
застлать и чужой. В ночь кончины от тифа сгорающий комик Слышит гул:
гомерический хохот райка. Нынче в спасском с дороги бревенчатый домик Видит,
галлюцинируя, та же тоска.

6. Да будет

Рассвет расколыхнет свечу, Зажжет и пустит в цель стрижа. Напоминанием влечу: Да
будет так же жизнь свежа! Заря, как выстрел в темноту. Бабах! И тухнет на лету
Пожар ружейного пыжа. Да будет так же жизнь свежа. Еще снаружи ветерок, Что
ночью жался к нам, дрожа. Зарей шел дождь, и он продрог. Да будет так же жизнь
свежа. Он поразительно смешон! Зачем совался в сторожа? Он видел, вход не
разрешен. Да будет так же жизнь свежа. Повелевай, пока на взмах Платка пока ты
госпожа, Пока покамест мы впотьмах, Покамест не угас пожар.

7. Зимнее утро

(пять стихотворений)

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Воздух седенькими складками падает. Снег припоминает мельком, мельком: Спатки называлось, шепотом и патокою День позападал за колыбельку.

Выйдешь и мурашки разбегаются, и ежится Кожица, бывало, сумки, дети, Улица в бесшумные складки ложится Серой рыболовной сети.

Все бывало, складывают: сказку о лисице, Рыбу пошвырявшей с возу, Дерево, сарай и варезки, и спицы, Зимний изумленный воздух.

А аотом поздней, под чижилом, пред цветиками Не сложеньем, что ли, с воли Дуло и мело, не ей, не арифметикой ли Подирало столик в школе?

Зуб, бывало, ноет: мажут его, лечат его, В докторском глазу ж безумье Сумок и снежков, линованное, клетчатое, С сонными каракулями в сумме.

Та же нынче сказка, зимняя, мурлыкина, На бегу шурша метелью по газете, За барашек грив и тротуаров выкинулась Серой рыболовной сетью.

Ватная, примерзлая и байковая, фортковая Та же жуть берез безгнездых Гарусную ночь чем свет за чаем свертывает, Зимний изумленный воздух.

Как не в своем рассудке, Как дети ослушанья, Облизываясь, сутки Шутя мы осушали. Иной, не отрываясь От судорог страницы До утренних трамваев, Грозил заре допить. Раскидывая хлопко Снежок, бывало, чижики шумит: какую пробкой Такую рожу выжег? И день вставал, оплеснясь, В помойной жаркой яме, В кругах пожарных лестниц, Ушибленный дровами. Я не знаю, что тошней: Рушащийся лист с конюшни Или то, что все в кашне, Все в снегу и все в минувшем. Пентюх и головотяп, Там, меж листьев, меж домов там Машет галкою октябрь По каракулевым кофтам. Треск ветвей ни дать, ни взять Сушек с запахом рогожи. Не растряс бы вихрь связать, Упадут, стуча, похоже. Упадут в морозный прах, Ах, похоже, спозаранок Вихрь берется трясать впотьмах Тминной вязкою баранок. Ну, и надо ж было, тужась, Каркнуть и взлететь в хаос, Чтоб сложить октябрьский ужас Парой крыльев на киоск. И поднять содом со спицей Над живой рекой голов, Где и ты, вуаль зашпилив, Шляпу шпилькой заколов, Где и ты, моя забота, Котик лайкой застегнув, Темной рысью в серых ботах Машешь муфтой в море муфт. Между прочим, все вы, чтицы, Лгать охотницы, а лгать У оконницы учиться, Вот и вся вам недолга. Тоже блещет, как баллада, Дивной влагой; тоже льет Слезы; тоже мечет взгляды Мимо, словом, тот же лед.

Тоже, вне правдоподобья, Ширит, рвет ее зрачок, Птичью церковь на сугробе, Отдаленный конский чок.

И чайковский на афише Патетично, как и вас, Может потрясти, и к крыше, В вихорь театральных касс.

8. Весна

(пять стихотворений)

Весна, я с улицы, где тополь удивлен, Где даль пугается, где дом упасть боится, Где воздух синь, как узелок с бельем У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ, Оставленный звездой без продолженья К недоумению тысяч шумных глаз, Бездонных и лишенных выраженья.

Пара форточных петелек, февраля отголоски. Пить, пока не заметили, Пить вискам и прическе!

Гул ворвался, как шомпол. О холодный, сначала бы! Бурный друг мой, о чем бы? Воздух воли и жалобы?

Что за смысл в этом пойле? Боже, кем это мелются, Языком ли, душой ли, Этот плеск, эти прелести?

Кто ты, март? Закипал же Даже лед, и обуглятся, Раскатясь, экипажи По свихнувшийся улице!

Научи, как ворочать Языком, чтоб растрогались, как тобой, этой ночью Эти дрожки и щеголи. Воздух дождиком частым сечется. Поседев, шелудивеет лед. Ждешь:

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
вот-вот горизонт и очнется И начнется. И гул пойдет. Как всегда, расстегнув на распахку Пальтецо и кашне на груди, Пред собой он погонит неспавших, Очумелых птиц впереди. Он зайдет и к тебе и, развинчен, Станет свечный натек колупать, И зевнет, и припомнит, что нынче Можно снять с гиацинтов колпак. И шальной, шевелюру ероша, В замешательстве смысл темня, Ошарашит тебя нехорошей, Глупой сказкой своей про меня. Закрой глаза. В наиглушайшем органе На тридцать верст забывшихся пространств Стоят в парах и каплют храп и хорканье, Смех, лепет, плач, беспамятство и транс. Им, как и мне, невмочь с весною свыкнуться, Не в первый раз стараюсь, не привык. Сейчас по чащам мне и этим мыканцам Подносит чашу дыма паровик. Давно ль под сенью орденских капитулов, Служивших в полном облачении хвой, Мирянин-март украдкою пропитывал Тропинки парка терпкой синевой? Его грехи на мне под старость скажутся, Бродивших верб откупоривши штоф, Он уходил с утра под прутья саженцев, В пруды с угаром тонущих кустов. В вечерний час переставала двигаться Жемчужных луж и речек акварель, И у дверей показывались выходцы Из первых игр и первых букварей. Чирикали птицы и были искренни. Сияло солнце на лаке карет. С точильного камня не сыпались искры. А сыпались гасли, в лучах сгорев. В раскрытые окна на их рукоделье Садилась, как голуби, облака. Они замечали: с воды похудели Заборы заметно, кресты слегка.

Чирикали птицы. Из школы на улицу, На тумбы ложилось, хлынув волной, Немолчное пенье и щелканье шпудек, Мелькали косички и цокал челнок.

Не сыпались искры, а сыпались гасли. Был день расточителен; над школой свежей Неслись облака, и точильщик был счастлив, Что столько на свете у женщин ножей.

9. Сон в летнюю ночь

(пять стихотворений)

Крупный разговор. Еще не запирали, Вдруг как: моментально вон отсюда! Сбитая прическа, туча препирательств, И сплошной поток шопеновских этюдов. Вряд ли, гений, ты распределяешь кету В белом доме против кооператива, Что хвосты луны стоят до края света Чередой ночных садов без перерыва.

Все утро с девяти до двух Из сада шел томящий дух Озона, змей и розмарина, И олеандры разморило.

Синеет белый мезонин. На мызе сон, кругом безлюдье. Седой малинник, а за ним Лилевый грунт его прелюдий.

Кому ужонок прошипел? Комупрощально машет розан? Опять депешей шопен К балладе страждущей отозван.

Когда ее не излечить, Все лето будет в дифтерите. Сейчас ли, черные ключи, Иль позже кровь нам отворить ей?

Прикосновение руки И полвселенной в изоляции, И там плантации пылятся И душно дышат табаки. Пианисту понятно шнырянье ветошниц С косыми крюками обвалов в плечах. Одно прозябанье корзины и крошни И крышки раскрытых роялей влчат. По стройкам таскавшись с толпою тряпичниц И клад этот где-то на свалках сыскав, Он вешает облако бури кирпичной, как робу на вешалку на лето в шкаф. И тянется, как за походную флягой, Военную карту грозы расстелив, К роялю, обычно обильному влагой Огромного душного лета столиц. Когда, подоспевши совсем незаметно, Сгорая от жажды, гроза четырьмя Прыжками бросается к бочкам с цементом, Дрожащими лапами ливня гремя. Я вишу на пере у творца Крупной каплей лилового лоска. Под домами загадки канав. Шибко воздух ли соткой и коксом По вокзалам дышал и зажегся, Но едва лишь зарю доконав, Снова розова ночь, как она, И забор поражен парадоксом. И бормочет: прерви до утра Этих сохлых белил колебанье. Грунт убит и червив до нутра, Эхо чутко, как шар в кегельбане. Вешний ветер, шевьот и грязца, И гвоздильных застав отголоски, И на утренней терке торца От зари, как от хренной полоски, Проступают отчетливо слезки. Я креплюсь на пере у творца Терпкой каплей густого свинца. Пей и пиши, непрерывным патрулем Ламп керосиновых подкарауленный С улиц, гуляющих под руку в июле С кружкой пива, тобою пригубленной. Зеленоглазая жажда гигантов! Тополь столы осыпает пикулями, Шпанкой, шиповником тише, не гамьте! Шепчут и шепчут пивца загогулины.

Бурная кружка с трехгорным рембрандтом! Спертость предгрозя тебя не испортила. Ночью быть буре. Виденья, обратно! Память, труби отступление к портерной!

Век мой безумный, когда образую Темп потемный былого бездонного! Глуби мазурских озер не раздуют В сон погруженных горнистов самсонова.

После в москве мотоцикл тараторил, Громкий до звезд, как второе пришествие. Это был мор. Это был мораторий Страшных судов, не съезжавшихся к сессии.

10. Поэзия

Поэзия, я буду клясться Тобой, и кончу, прохрипев: Ты не осанка сладкогласца, Ты лето с местом в третьем классе, Ты пригород, а не припев.

Ты душная, как май, ямская, Шевардина ночной редут, Где тучи стоны испускают И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двоюся, Предместье, а не перепев Ползут с вокзалов восвоюси Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях И долго, долго до зари Кропают с кровель свой акростих, Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краном Пустой, как цинк ведра, трюизм, То и тогда струя сохранна, Тетрадь подставлена, струись!

11. Два письма

Любимая, безотлагательно, Не дав заре с пути рассеяться, Ответь чем свет с его подателем О ходе твоего процесса. И если это только мыслимо, Поторопи зарю, а лень ей, Воспользуйся при этом высланным Курьером умоисступленья. Дождь, верно, первым выйдет из лесу И выпросит, где тор, где топко. Другой ему в догонку вызвался, И это под его диктовку. Наверно, бурю безрассудств его Сдадут деревья в руки из рук, Моя ж рука давно отсутствует: Под ней жилой кирпичный призрак. Я не бывал на тех урочищах, Она ж ведет себя, как прадед, И знаменьем сложась пророчащим Тот дом по голой кровле гладит. На днях, в тот миг, как в ворох корпии Был дом под костромой искромсан, Удар того же грома копию Мне свел с каких-то незнакомец. Он свел ее с их губ, с их лацканов, С их туловищ и туалетов, В их лицах было что-то адское, Их цвет был светло-фиолетов. Он свел ее с их губ и лацканов, С их блюдечек и физиономий, Но сделав их на миг мулатскими, Не сделал ни на миг знакомей. В ту ночь я жил в москве и в частности Не ждал известий от бесценной, Когда порыв зарниц негаснущих Прибил к стене мне эту сцену.

12. Осень

(пять стихотворений)

С тех дней стал над недрами парка сдвигаться Суровый, листву леденивший октябрь. Зарями ковался конец навигации, Спирало гортань, и ломило в локтях.

Не стало туманов. Забыли про пасмурность. Часами смеркалось. Сквозь все вечера Открылся, в жару, в лихорадке и насморке, Большой горизонт и дворы озирал.

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут Пруды, и, казалось, с последних погод Не движутся дни, и, казалось, вынут Из мира прозрачный, как звук, небосвод.

И стало видать так далеко, так трудно Дышать, и так больно глядеть, и такой Покой разлился, и настолько безлюдный, настолько беспамятно звонкий покой!

Потели стекла двери на балкон. Их заслонял заметно-зимний фикус. Сиял графин. С недопитым глотком Вставали вы, веселая навываз,

Смеркалась даль, спокойная на вид, И дуло в щели, праведница ликом, И день сгорал, давно остановив Часы и кровь, в мучительно великом Просторе долго, без конца горев На острях скворешниц и дерев, В осколках тонких ледяных пластинок, По пустырям и на ковре в гостиной.

Но им суждено было выцвести, И на лете налет фиолетовый, И у туч, громогласных до этого, Фистула и надтреснутый присвист.

Облака над заплаканным флоксом, Обволакивав даль, перетрафили. Цветники, как холодные кафели. Город кашляет школой и коксом. Редко брызжет восток бирюзью. Парников изразцы, словно в заморозки, Застывают, и ясен, как мрамор, Воздух роц и как зов, беспризорен. Я скажу до свиданья стихам, моя мания, Я назначил вам встречу со мною в романе. Как всегда, далеки от пародий, Мы окажемся рядом в природе. Весна была просто тобой, И лето с грехом пополам. Но осень, но этот позор голубой Обоев, и войлок, и хлам! Разбитую клячу везут на махан, И ноздри с коротким дыханьем Заслушались мокрой ромашки и мха, А то и конины в духане. В прозрачность заплаканных дней целиком Губами и глаз полыханьем Впиваешься, как в помутнелый флакон С невыдохшимися духами. Не спорить, а спать. Не оспаривать, А спать. Не распахивать наспех Окна, где в беспамятных заревах Июль, разгораясь, как яспис, Расплавливал стекла и спаривал Тех самых пунцовых стрекоз, Которые нынче на брачных Брусах мертвей и прозрачней Осыпавшихся папирос. Как в сумерки сонно и зябко Окошко! Сухой купорос. На доньшке склянки козявка И гильзы задохшихся ос. Как с севера дует! Как щупло Нахохлилась стужа! О вихрь, Общупай все глуби и дупла, Найди мою песню в живых! Здесь прошелся загадки таинственный ноготь. А пока не разбудят, любимую трогать Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью Трогал так, как трагедией трогают зал. Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил, Лишь потом раздражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания. Звезды долго горлом текут в пищевод, Соловьи же заводят глаза с содроганьем, Осушая по капле ночной небосвод.

С т и х и р а з н ы х л е т

1918 - 1931

С м е ш а н н ы е с т и х о т в о р е н и я

Другу

Иль я не знаю, что, в потемки тычась, Вовек не вышла б к свету темнота, И я урод, и счастье сотен тысяч Не ближе мне пустого счастья ста? И разве я не мерюсь пятилеткой, Не падаю, не поднимаюсь с ней? Но как мне быть с моей грудною клеткой И с тем, что всякой косности косней? Напрасно в дни великого совета, Где высшей страсти отданы места, Оставлена вакансия поэта: Она опасна, если не пуста.

Анне Ахматовой

Мне кажется, я подберу слова, Похожие на вашу первозданность. А ошибусь, мне это трын-трава, Я все равно с ошибкой не расстанусь. Я слышу мокрых кровель говорок, Торцовых плит заглохшие эклоги. Какой-то город, явный с первых строк, Растет и отдается в каждом слоге. Кругом весна, но загород нельзя. Еще строга заказчица скупая. Глаза шитьем за лампою слезя, Горит заря, спины не разгибая. Вдыхая дали ладожскую гладь, Спешит к воде, смиряя сил упадок. С таких гулянок ничего не взять. Каналы пахнут затхлостью укладок. По ним ныряет, как пустой орех, Горячий ветер и колыхнет веки Ветвей и звезд, и фонарей, и вех, И с моста вдаль глядящей белошвейки.

Бывает глаз по-разному остер, По-разному бывает образ точен. Но самой страшной крепости раствор Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд. Он мне внушен не тем столбом из соли, Которым вы пять лет тому назад Испуг оглядки к рифме прикололи.

Но, исходив из ваших первых книг, Где крепи прозы пристальной крупницы, Он и во всех, как искры проводник, Событья былью заставляет биться.

Марине Цветаевой

Ты вправе, вывернув карман, Сказать: ищите, ройтесь, шарьте. Мне все равно, чем сыр туман. Любая быль как утро в марте.

Деревья в мягких армяках Стоят в грунту из гумигута, Хотя ветвям наверняка Невмоготу среди закута.

Роса бросает ветки в дрожь, Струясь, как шерсть на меринесе. Роса бежит, трясая, как еж, Сухой копной у переносья.

Мне все равно, чей разговор Ловлю, плывущий ниоткуда. Любая быль как вешний двор, Когда он дымкою окутан.

Мне все равно, какой фасон Сужден при мне покрою платьев. Любую быль сметут как сон, Поэта в ней законопатив. Клубясь во много рукавов, Он двинется подобно дыму Из дыр эпохи роковой В иной тупик непроходимый.

Он вырвется, курясь, из прорв Судеб, расплющенных в лепеху, И внуки скажут, как про торф: Горит такого-то эпоха.

Мейерхольдам

Желоба коридоров иссякли. Гул отхлынул и сплыл, и заглох. У окна, опоздавши к спектаклю, Вяжет вьюга из хлопьев чулок. Рытым ходом за сценой залягте, И, обуглясь у всех на виду, Как дурак, я зайду к вам в антракте, И смешаюсь и слов не найду. Я увижу деревья и крыши. Вихрем кинуться мушки во тьму. По замашкам зимы замухрышки Я игру в кошки-мышки пойму. Я скажу, что от этих ужимок Еле цел я остался внизу, Что пакет развязался и вымок, И что я вам другой привезу. Что от чувств на земле нет отбою, Что в руках моих плеск из фойе, Что из этих признаний любое Вам обоим, а лучшее ей. Я люблю ваш нескладный развалец, Жадной проседи взбитую прядь. Если даже вы в это выгались, Ваша правда, так надо играть. Так играл пред землей молодой Одаренный один режиссер, Что носился как дух над водой И ребро сокрушенное тер. И, протискавшись в мир из-за дисков Набум размещенных светил, За дрожашую руку артистку На дебют роковой выводил. Той же пьесой неповторимой, Точно запахом краски дыша, Вы всего себя стерли для грима. Имя этому гриму душа.

Пространство

Н. Н. Вильям-Вильмонту

К ногам прилипает наждак. Долбеж понемногу стихает. Над стежками капли дождя, Как птицы, в ветвях отдыхают.

Чернеют сережки берез. Лозняк отливает изнанкой. Ненастье, дымясь, как обоз, Задерживается по знаку,

И месит шоссейный кисель, Готовое снова по взмаху Рвануться, осев до осей Свинцовою всей колымагой.

Недолго приходится ждать. Движенье нахмуренной выси, И дождь, затяжной, как нужда, Вывешивает свой бисер.

Как к месту тогда по таким Подушкам колеи непроезжих Пятнистые пятаки Лиловых, как лес, сыроежек!

И заступ скрежещет в песке, И не попадает зуб на зуб. И знаться не хочет ни с кем Железнодорожная насыпь.

Уж сорок без малого лет Она у меня на примете, И тянется рельсовый след В тоске о стекле и цементе.

Во вторник молебн и акт. Но только ль о том их тревога? Не ради того и не так По шпалам проводят дорогу.

Зачем же водой и огнем С откоса хлеща переезды, Упорное, ночью и днем Несется на север железо?

Там город, и где перечеть Московского съезда соблазны, Ненастей горящую шерсть, Заманчивость мглы непролазной? Там город, и ты посмотри, Как ночью горит он багрово. Он былью одной изнутри, Как плоскою, иллюминирован. Он каменным чудом облег Рожденья стучащий подарок. В него, как в картонный кремлек, Случайности вставлен огарок. Он с гор разбросал фонари, Чтоб капать, и теплить, и плавить Историю, как стеорин какой-то свечи без заглавья.

Бальзак

Париж в золотых тельцах, в дельцах, В дождях, как мщение, долгожданных. По улицам летит пыльца. Разгневанно цветут каштаны. Жара покрыла лошадей И щелканье бичей глазурью И, как горох на решете, Дрожит в оконной амбразуре. Беспечно мчатся тильбюри. Своя довлеет злоба дневи. До завтрашней ли им зари? Разгневанно цветут деревья. А их заложник и должник, Куда он скрылся? Ах, алхимик! Он, как над книгами, поник Над переулками глухими. Почти как тополь, лопух, Он смотрит вниз, как в заповедник, И ткет парижу, как паук, Заупокойную обедню. Его бессонные зенки Устроены, как веретена. Он вьет, как нитку из пеньки, Историю сего притона. Чтоб выкупиться из ярма Ужасного заимодавца, Он должен сгинуть задарма И дать всей нитке размотаться. Зачем же было брать в кредит Париж с его толпой и биржей, И поле, и в тени ракии Непринужденность сельских пиршеств?

Он грезит волей, как лакей, Как пенсией старик бухгалтер, А весу в этом кулаке, Что в каменщиковой кувалде.

Когда, когда ж, утерши пот И сушь кофейную отвеяв, Он оградится от забот Шестой главою от Матфея?

Бабочка – буря

Бывалый гул былой мясницкой Вращаться стал в моем кругу,

И, как вы на него не цыцкай, Он пальцем вам и ни гугу.

Он снится мне за массой действий, В рядах до крыш горящих сумм, Он сыплет лестницы, как в детстве, И подымает страшный шум.

Напрасно в сковороды били, И огорчалась кочерга. Питается пальбой и пылью Окуклившийся ураган.

Как призрак порчи и починки, Обьевший веточки мечтам, Асфальта алчного личинкой Смолу котлами пьет почтаит.

Но за разгромом и ремонтом, К испугу сомкнутых окон, Червяк спокойно и дремотно По закоулкам ткет кокон.

Тогда-то сбившись с перспективы, Мрачатся улиц выхода, И бритве ветра тучи гриву Подбрасывает духота.

Сейчас ты выпорхнешь, инфанта, И, сев на телеграфный столб, Расправишь водяные банты Над топотом промокших толп.

Отплытие

Слышен лепет соли каплющей. Гул колес едва показан. Тихо взявши гавань за плечи, Мы отходим за пакгаузы. Плеск и плеск, и плеск без отзыва. Разбегаясь со стенаньем, Вспыхивает бледно-розовая Моря ширь берестяная. Треск и хруст скелетов раковых, И шипит, горя, береста. Ширь растет, и море вздрагивает От ее прироста. Берега уходят ельничком, Он невзрачен и тщедушен. Море, сумрачно бездельничая, Смотрит сверху на идущих. С моря еще по морозу ходит и ходит лесками, Грохнув и борт огороша, Ширящееся плесканье. Виден еще, еще виден Берег, еще не без пятен Путь, но уже необыден И, как беда, необъятен. Страшным полуоборотом, Сразу меняясь во взоре, Мачты въезжают в ворота Настежь открытого моря. Вот оно! И, в предвкушеньи Сладко бушующих новшеств, Камнем в пучину крушений Падает чайка, как ковшик.

* * *

Рослый стрелок, осторожный охотник, Призрак с ружьем на разливе души! Не добирай меня сотым до сотни, Чувствую на корм по частям не кроши. Дай мне подняться над смертью позорной. С ночи одень меня в тальник и лед. Утром спугни с мочажины озерной. Целься, все кончено! Бей меня в лет. За высоту ж этой звонкой разлуки, О, пренебрегнутые мои, Благодарю и целую вас, руки Родины, робости, дружбы, семьи.

Петухи

Всю ночь вода трудилась без отдышки. Дождь до утра льняное масло жег. И валит пар из-под лиловой крышки, Земля дымится, словно шей горшок.

Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит, кто мой испуг изобразит росе В тот час, как загорланит первый кочет, За ним другой, еще за этим все?

Перебирая годы поименно, Поочередно оклика я тьму, Они пророчить станут перемену Дождю, земле, любви всему, всему.

Ландыши

С утра жара. Но отведи Кусты, и грузный полдень разом Всей массой хряснет позади, Обламываясь под алмазом.

Он рухнет в ребрах и лучах, В разгранке зайчиков дрожащих, Как наземь с потного плеча Опущенный стекольный ящик.

Укрывшись ночью навесной, Здесь белизна сурьмится углем. Непревзойденной новизной Весна здесь сказочна, как углич.

Жары нещадная резня Сюда не сунется с опушки. И вот тыходишь в березняк, Вы всматриваетесь друг в дружку.

Но ты уже предупрежден. Вас кто-то наблюдает снизу: Сырой овраг сухим дождем Росистых ландышей унизан. Он отделился и привстал, Кистями капелек повисши, На палец, на два от листа, На полтора от корневища. Шурша неслышно, как парча, Льнут лайкою его початки, Весь сумрак рощи сообща Их разбирает на перчатки.

Сирень

Положим, гудение улья, И сад утопает в стряпне, И спинки соломенных стульев, И черные зерна слепней. И вдруг объявляется отдых, И всюду бросают дела: Далекая молодость в сотах, Седая сирень расцвела! Уж где-то телеги и лето, И гром отмыкает кусты, И ливень въезжает в кассеты Отсроившейся красоты. И чуть наполняет повозка Раскатистым воздухом свод, Лиловое зданье из воска, До облака вставши, плывет. И тучи играют в горелки, И слышится старшего речь, Что надо сирени в тарелке Путем отстояться и стечь.

Любка

В. В. Гольцеву

Недавно этой просекой лесной Прошелся дождь, как землемер и метчик. Лист ландыша отяжелел блесной, Вода забила в уши царских свечек. Взлелеяны холодным сосняком, Они росой оттягивают мочки, Не любят дня, растут особняком И даже запах льют поодиночке. Когда на дачах пьют вечерний чай, Туман вздувает паруса комарьи, И ночь, гитарой брякнув невзначай, Молочной мглой стоит в иван-да-марье,

Тогда ночной фиалкой пахнет все: Лета и лица. Мысли. Каждый случай, Который в прошлом может быть спасен И в будущем из рук судьбы получен.

Брюсову

Я поздравляю вас, как я отца Поздравил бы при той же обстановке. Жаль, что в большом театре под сердца Не станут стлать, как под ноги, циновки.

Жаль, что на свете принято скрести У входа в жизнь одни подошвы; жалко, что прошлое смеется и грустит, А злоба дня размахивает палкой.

Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд, Где вас, как вещь, со всех сторон покажут И золото судьбы посеребрят, И, может, серебрить в ответ обяжут. Что мне сказать? Что брюсова горька Широко разбежавшаяся участь? Что ум черствеет в царстве дурака? Что не безделка улыбаться, мучась?

Что сонному гражданскому стиху Вы первый настезь в город дверь открыли? Что

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
ветер смел с гражданства шелуху И мы на перья разодрали крылья?

Что вы дисциплинировали взмах Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной, И были домовым у нас в домах И дьяволом недетской дисциплины?

Что я затем, быть может, не умру, что, до смерти теперь устав от гили, Вы сами, было время, поутру Линейкой нас не умирать учили?

Ломиться в двери пошлых аксиом, Где лгут слова и красноречье храмлет? .. О! Весь шекспир, быть может, только в том, что запросто болтает с тенью гамлет. Так запросто же! Дни рожденья есть. Скажи мне, тень, что ты к нему желала б? Так легче жить. А то почти не снести Пережитого слышащихся жалоб.

Памяти Рейснер

Лариса, вот когда посожалею, что я не смерть и ноль в сравнении с ней. Я б разузнал, чем держится без клею живая повесть на обрывках дней. Как я присматривался к матерьялам! Валились зимы кучей, шли дожди, Запахивались вьюги одеялом с грудными городами на груди. Мелькали пешеходы в непогоду, Ползли вozy за первый поворот, Года по горло погружались в воду, Потоки новых запружали брод. А в перегонном кубе все упрямеи Варилась жизнь, и шла постройка гнезд. Работы оцепляли фонарями При свете слова, разума и звезд. Осмотришься, какой из нас не сваян Из хлопьев и из недомолвок мглы? Нас воспитала красота развалин, Лишь ты превыше всякой похвалы. Лишь ты, на славу сбита боями, Вся сжатым залпом прелести рвалась. Не ведай жизнь, что значит обаянье, Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз. Ты точно бурей грации дымилась. Чуть побывав в ее живом огне, Посредственность впадала вмиг в немилость, Несовершенство навлекало гнев. Бреди же в глубь преданья, героиня. Нет, этот путь не утомит ступни. Ширяй, как высь, над мыслями моими: Им хорошо в твоей большой тени.

Приближенье грозы

Я. З. Черняку

Ты близко. Ты идешь пешком из города, и тем же шагом займешь обрыв, взмахнешь мешком И гром прокатишь по оврагам.

Как допетровское ядро, Он лугом пустится вприпрыжку И раскидает груды дров Слетевшей на сторону крышкой.

Тогда тоска, как оккупант, Оцепит даль. Пахнет окопом. Закплет. Ласточки вскипят. Всей купой в сумрак вступит тополь.

Слух пронесется по верхам, что, сколько помнят, ты до шведа, И холод въедет в арьергард, Скача с передовых разведок.

Как вдруг, очистивши обрыв, Ты с поля повернешь, раздумав, И сгинешь, так и не открыв Разгадки шлемов и костюмов.

А завтра я, нырнув в росу, ногой наткнушь на шар гранаты И повесть в комнату внесу, как в оружейную палату.

Э п и ч е с к и е м о т и в ы

Жене

Город

Уже за версту, в капиллярах ненастья и вереска

Густ и солон тобою туман. Ты горишь, как лиман, Обжигая пространства, как пересыпь, Огневой солончак Растекающихся по стеклу фонарей, каланча, Пронизавшая заревом мглу! Навстречу курьерскому, от города, как от моря, По воздуху мчатся огромные рощи. Это галки, кресты и сады, и подворья в перелетном клину пустырей. Все скорей и скорей вдоль вагонных дверей, И за поезд во весь карьер. Это вещие ветки, Божась чердаками, Вылетают на тучу. Это черной божбою Бьется пригород тьмутараканью в падучей. Это люберцы или любань. Это гам шпор и блюдец, и тамбурных дверец, и рам О чугунный перрон. Это сонный разброд Бутербродов с

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
цикорной бурдой и ботфорт. Это смена бригад по утрам. Это спор забытья с
голосами колес и рессор. Это грохот утрат о возврат. Это звон Перецепок у цели о
весь перегон. Ветер треплет ненастья наряд и вуаль. Даль скользит со словами:
навряд и едва ль От расспросов кустов, полустанков и птах, И лопат, и крестьянок
в лаптях на путях. Воедино собираются дни сентября. В эти дни они в сборе.
Печальный обряд. Обирают убранство. Дарят, обрыдав. Это всех, обреченных земле,
доброта. Это горсть повестей, скопидомкой-судьбой занесенная в поздний прибой и
отбой Подмосковных платформ. Это доски мостков Под клиновыи листом. Это шелковый
скоп Шелестящих красот и крылатых семян для засева прудов. Всюду рябь и туман.
Всюду скарб на возах. Всюду дождь. Всюду скорбь. Это наш городской гороскоп.
Уносятся шпалы, рыдая. Листовой оглушенною свист замутив, Скользит, задевая
парами за ивы, Захлебывающийся локомотив. Считайте места. Пора. Пора.
Окрестности взяты на буфера. Окно в слезах. Огни. Глаза. Народу! Народу! Сопят
тормоза. Где-то с шумом падает вода. Как в платок боготворимый, где-то дышат
ночью тучи, провода, дышат зданья, дышат гром и лето. Где-то с шумом падает
вода. Где-то, где-то, раздувая ноздри, Скачут случай, тайна и беда, За собой
погоню заподозрив.

Где-то ночь, весь ливень расструив, На двоих насканивает в чайной. Где же
третья? А из них троих Больше всех она гналась за тайной.

Гроном дрожек, с аркады вокзала, На краю заповедных роц, Ты развернут, роман
небывалый, Сочиненный осенью, в дождь.

фонарями, и сказ свой ширишь О страданице бальэтажей, О любви и о жертве,
сиречь, О рассроченном платеже.

Что сравнится с женскою силой? Как она безумно смела! Мир, как дом, сняла,
заселила, Корабли за собой сожгла.

Я опасюсь, небеса, Как их, ведут меня к тем самым Жилым и скользким корпусам,
Где стены с тенью мопассана.

Где за болтами жив бальзак, Где стали предсказаньем шкапа, Годами в форточку
вползав, Гнилой декабрь и жуткий запад.

Как неудавшийся пасьянс, Как выпад карты неминучей. Nonny soit qui mal y pense:
(*) Нас только ангел мог измучить.

В углах улыбки, на щеке, На прядях алая прохлада. Пушатся уши и жакет. Перчатки
пара шоколадок.

В коленях шелест тупиков, Тех тупиков, где от проходок, От ветра, метел и пинков
Боярышник вкушает отдых.

Где горизонт, как рубикон, Где сквозь агонию громленной Рябины, в дождь бегут
бегом Свистки и тучи, и вагоны.

-----(*) да будет стыдно тому, кто плохо
об этом

подумает (старофранц.).

Двадцать строф с предисловием

(Зачаток романа "Спекторский")

Графленая в линейку десь! Вглядись в ту сторону, откуда Нахлынуло все то, что
есть, что я когда-нибудь забуду. Отрапортуй на том смотру. Ударь хлопьшкою
округи. Будь точно роца на юру, Ревущая под ртищем вьюги. Как разом выросшая
рысь, Всмотрись во все, что спит в тумане, А если рысь слаба вниманьем, То
пристальней еще всмотришь. Одна оглячивость пространства Хотела от меня поэм.
Одна она ко мне пристрастна, Я только ей не надоем. Когда, снуя на задних лапах,
Храпел и шерсть ерошил снег, Я вместе с далью падал на пол И с нею ввязывался в
грех. По барабанной перепонке Несущихся, как ты, стихов Суди, имею ль я ребенка,
Равнина, от твоих пахов? Я жил в те дни, когда на плоской Земле прощали
старикам, Заря мирволила подросткам И вечер к славе подстрекал. Когда,
нацелившись на взрослых, Сквозь дым крупы, как сквозь вуаль, Уже рябили ружья в

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
козлах И пухла крупповская сталь. По круглым корешкам старинных книг Порхают в
искрах дымовые трубы. Нежданно ветер ставит воротник, И улица запахивает шубу.
Представьте дом, где пятен лишена И только шагом схожая с гепардом, В одной из
крайних комнат тишина, Облапив шар, ложится под бильярдом. А рядом, в шапке
крапчатой, декабрь висит в ветвях на зависть акробату И с дерева дивится, как
дикарь, Нарядам и дурачествам арбата. В часы, когда у доктора прием, Салон
безмолвен, как салоп на вате. Мы колокольни в окнах застаем В заботе об
отнявшемся набате. Какое-то ручное вещество Вертит хвостом, волною хлора
зыблясь. Его в квартире держат для того, Чтоб пациенты дверью не ошиблись.

Профессор старше галок и дерев. Он пепельницу порет папиросой. Что в том ему,
что этот гость здоров? Не суйся в дом без вызова и спросу. На нем манишка и
сюртук до пят, Закашлявшись и, видимо, ослышась, Он отвечает явно невпопад: "Не
нервничать и избегать излишеств". А после в вопль: "Я, право, утомлен! Вы про
свое, а я сиди и слушай? А ежели вам имя легион? Попробуйте гимнастику и души".

И улица меняется в лице, И ветер машет вырванным рецептом, И пять бульваров
мечутся в кольце, Зализывая рельсы за прицепом. И ночь горит, как старый банный
сруб, Занявшийся от ерунды какой-то, Насилу побежденная к утру Из поданных
бессонницей брендспойтов. Туман на щепки колет тротуар, Пожарные бредут за
калачами, И стужа ставит щам самовар Лучинами зари и каланчами. Вся в копоти,
с чугунной гирей мги Синеет твердь и, вмиг воспламенившись, Хватает клубья искр,
как сапоги, И втаскивает дым за голенища.

Уральские стихи

1. Станция

Будто всем, что видит глаз, До крапивы подзаборной, Перед тем за миг пилась
Сладость радуги нагорной. Будто оттого синель Из буфета выгнать нечем, Что в
слезах висел туннель И на поезде ушедшем. В час его прохода столь На песке
перронном людно, Что глядеть с площадок боль, Как на блеск глазури блюдной. Ад
кромешный! К одному Гибель солнц, стальных вдобавок, Смотрит с темячек в дыму
Кружев, гребней и булавок. Плюют семечки, топча Мух, глотают чай, судача. В
зале, льющем сообща С зноем неба свой в придачу. А меж тем наперекор Черным
каплям пота в скопе, Этой станции средь гор Не к лицу названье "копи". Пусть
нельзя сильнее сжать (Горы. Говор. Инородцы), Но и в жар она свежа, Будто только
от колодца. Лишь слышалось, как сзади шли. До крапивы подзаборной, Перед тем за
миг пилась Сладость радуги нагорной. Что ж вдыхает красоту В мленье этих скул и
личек? Мысль, что кажутся хребту Горкой крашенных яичек. Это шеломит до слез,
Обдает холодной смутой, Веет, ударяет в нос, Снится, чудится кому-то. Кто
крестил леса и дал Им удушливое имя? Кто весь край предугадал, Встарь пугавши
финна ими?

Уголь эху завещал: Быть уралом диким соснам. Уголь дал и уголь взял. Уголь,
уголь был их крестным.

Целиком пошли в отца Реки и клыки ущелий, Черной бурей лица, Клиньями столетних
елей.

2. Рудник

Косую тень зари роднит С косою тенью спин продольный Великокняжеский рудник И
лес теней у входа в штольню.

Закат особенно свиреп, когда, с задов облив китайцев, Он обдает тенями склеп,
Куда они упасть боятся.

Когда, цепляясь за края Камнями выложенной арки, Они волнуются, снуя, Как знаки
заклинанья, жарки.

На волосок от смерти всяк Идущий дальше. Эти группы Последний отделяет шаг От
царства угля царства трупа.

Прощаясь, смотрит рудокоп На солнце, как огнепоклонник. В ближайший миг на этот
скоп Пахнет руда, дохнет покойник.

И ночь обступит. Этот лед Ее тоски неописуем! Так страшен, может быть, отлет

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Души с последним поцелуем.

Как на разведке, чуден звук Любой. Ночами звуки редки. И дико вскрикивает крик
На промелькнувшей вагонетке. Огарки, а светлей костров Вблизи, а чудится, верст
за пять. Росию черных катостроф На волоса со сводов капит. Слепая, вещая рука
Впотьмах выщупывает стенку, Здорово дышат ли штрека, И нет ли хриплого оттенка.
Ведь так легко пропасть, застряв, Пар так и валит изо рта. Прольется, грянувши,
затрав По недрам гулко, похоронно. А знаете ль, каков на цвет, Как выйдешь, день
с порога копи? Слепит, землистый, слова нет, Расплавленные капли, хлопья. В
глазах бурлят луга, как медь в отеках белого каленья. И шутка ль! Надобно уметь
Не разрыдаться в исступленьи. Как будто ты воскрес, как те Из допотопных
зверских капищ, И руки поднял, и с ногтей Текучим сердцем наземь капишь.

Матрос в Москве

Я увидел его, лишь только С прудов зиме Мигнул каток шестом флагштока И сник во
тьме. Был чист каток, и шест был шаток, И у перил, У растарашенных рогаток, Он
закурил. Был юн матрос, а ветер юрок: Напал и сгреб, И вырвал, и задул окурок, И
ткнул в сугроб. Как ночь, сукно на нем сидело, Как вольный дух Шатавшихся, как
он, без дела Ноябрьских мух. Как право дуть из всех отверстий, Сквозь все
колоть, Как ночь, сидел костюм из шерсти Мешком, не вплоть.

И эта шерсть, и шаг неверный, И брюк покрой Трактиром пахли на галерной, Песком,
икрой.

Москва казалась сортом щебня, Который шел В размол, на слом, в пучину гребней,
На новый мол.

Был ветер пьян, и обдал дрожью: С вина буян. Взглянул матрос (матрос был тоже,
Как ветер, пьян).

Угольный дом напомнил чем-то Плавающий дом: За шапкой, вея, дыбил ленты Морской
фантом.

За ним шаталось, якорь с цепью Ища в дыре, Соленое великолепье Бортов и рей.

Огромный бриг, громадой торса Задрал бока, Всползая и сползая, терся Об облака.

Москва в огнях играла, мерзла, Роился шум, А бриг вздыхал, и штевень ерзал, И
ахал трюм.

Матрос взлетал и ник, колышим, Смешав в одно Морскую низость с самым высшим, С
звездами дно.

Как зверски рывкать надо клетке Такой грудной! Но недоразуменья редки У них с
волной.

Со стеньг, с гирлянды поднебесий, Почти с планет Горланит пене, перевесясь:
"сегодня нет!" В разгоне свищущих трансмиссий, Едва упав За мыс, кипит опять на
мысе Седой рукав. На этом воющем заводе Сирен, валов, Огней и поршней полноводья
Не тратят слов. Но в адском лязге передачи Тоски морской Стоят, в карманы руки
пряча, Как в мастерской. Чтоб фразе рук не оторвало И первых слов Ремнями
хлещущего шквала Не унесло.

9-е января (первоначальный вариант)

Какая дальность расстоянья! В одной из городских квартир В столовой речь о
ляляне, А в детской тушь и транспортир. Январь, и это год цусимы, И, верно, я
латынь зубрю, И время в хлопьях мчится мимо По старому календарю. Густеют
хлопья, тают слухи, Густеют слухи, тает снег. Выходят книжки в новом духе, А в
старом возбуждают смех. И вот, уроков не доделав, Я сплю, и где-то в тот же час
Толпой стоят в дверях отделов, И время старит, мимо мчась. И так велик наплыв
рабочих, что в зал впускают в два ряда. Их предостерегают с бочек. Нет, им не
причинят вреда. Толпящиеся ждут гапона. Весь день он нынче сам не свой: Их
челобитная законна, Он им клянется головой. Неужто ж он их тащит в омут? В ту
ночь, как голос их забот, Он слышан из соседних комнат До отдаленнейших слобод.

Крепчает ветер, крепнет стужа, Когда, лизнув пистон патрона, Дух вырывается

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
наружу В столетье, в ночь, за ворота.

Когда рассвет столичный хаос Окинул взглядом торжества, Уже, мотая что-то на ус, Похаживали пристава.

Невыспавшееся событие, Как провод, в воздухе вися, Обледенелой красной нитью Опутывало всех и вся.

Оно рвалось от ружей в козлах, Отвойск и воинских затей В объятья любящих и взрослых И пестовало их детей.

Еще пороли дичь проспекты, И только-только рассвело, Как уж оно в живую секту Толпу с окраиной слило.

И лес темней у входа в штольню. Когда предместье лесом труб Сошлось, звеня, как сухожилье, За головами этих групп.

Был день для них благоприятен, И снег кругом горел и мерз Артериями сонных пятен И солнечным сплетеньем верст.

Когда же тронулись с заставы, Достигши тысяч десяти, Скрещенья улиц, как суставы, Зашевелились по пути.

Их пенье оставляло пену в ложбине каждого двора, Сдвигало вывески и стены, Перемещало номера.

И гимн гремел всего хвалебней, И пели даже старики, Когда передовому гребню Открылась ширь другой реки.

Когда: "Да что там?" рявкнул голос, И что-то отрубил другой, И звук упал в пустую полость, И выси выгнулись дугой. Когда в тиши речной таможи, В морозной тишине земли Сухой, опешившей, порожей Будто всем, что видит глаз, Ро-та! Взвилось мечом дамочка, И стекла уши обрели: Рвануло, отдало и смолкло, И миг спустя упало: пли! И вновь на набережной стекла, Глотая воздух, напряглись. Рвануло, отдало и смолкло, И вновь насторожилась близь. Толпу порол ружейный ужас, Как свежесмытый холст. И выводок кровавых лужиц У ног, не обнаружась, полз. Рвало и множилось и молкло, И камни их и впрямь рвало Горячими комками свеклы Хлестало холодом стекло. И в третий раз притихли выси, И в этот раз над спячкой барж Взвилось мечом дамочка: рысью! И лишь спустя мгновенье: марш!

К октябрьской годовщине

1

Редчал разговор оживленный. Шинель становилась в черед. Растягивались в эшелоны Телятники маршевых рот. Десятого чувства верхушкой Подхватывали ковыли, Что этот будильник с кукушкой Лет на сто вперед завели. Бессрочно и тысячеверстно Шли дни под бризантным дождем. Их вырвавшееся упорство Не ставило нас ни во что. Всегда-то их шумную груды Несло неизвестно куда. Теперь неизвестно откуда Их двигало на города.

И были престранные ночи И род вечеров в сентябре, Что требовали полномочий Обширней еще, чем допрежь.

В их августовское убранство Вошли уже корпия, креп, Досрочный призыв новобранцев, Неубранный беженцев хлеб.

Могло ли им вообразиться, Что под боком, невдалеке, Окликнутые с позиций жилища стоят в столбняке?

Но, правда, ни в слухах нависших, Ни в стойке их сторожевой, Ни в низко надвинутых крышах Не чувствовалось ничего.

2

Под спудом пыльных садов, На дне летнего дня Нева, и нефти пятном Расплывшаяся Солдатня.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Вечерние выпуска Газет рвут нарасхват. Асфальты. Названья судов. Аптеки. Торцы. Якоря.

Заря, и под ней, в западне Инженерного замка, подобный Равномерно-несметной, как лес, топотне Удаляющейся кавалерии, плеск Литейного, лентой рулетки Раскатывающего на роликах плит Во все запустенье проспекта Штиблетную бурю толпы.

Остатки чугунных оград Местами целеют под кипой Событий и прахом попыток Уйти из киргизской степи.

Но тучи черней, аппарат Ревет в типографском безумьи, И тонут копыта и скрипы кибиток В сыпучем самуме бумажной стопы. Семь месяцев мусор и плесень, как шерсть, На лестницах министерств. Одинокий как перст, Таков петроград, Еще с государственной думы Ночами и днями кочующий в чумах И утром по юртам бесчувственный к шуму Гольтепы. Он все еще не искупил Провинностей скиптера и ошибок Противного стереотипа, И сослан на взморье, топить, как сизиф, Утопии по затонам, И, чуть погрузив, подымать эти тонны картона и несть на себе в неметенный Семь месяцев сряду пыльный тупик. И осень подходит с обычной рутинной Крутящихся листьев и мокрых куртин.

3

Густая слякоть клейковиной Полощет улиц колею: К виновному прилип невинный, И день, и дождь, и даль в клею. Ненасте настилает скаты, Гремит железом пласт о пласт, Свергает власти, рвет плакаты, Наталкивает класс на класс. Костры. Пикеты. Мгла. Поэты Уже печатают тюки Стихов потомкам на пакеты И нам на кету и пайки. Тогда, как вечная случайность, Подкрадывается зима Под окна прачечных и чайных И прячет хлеб по закромам. Коротким днем, как коркой сыра, Играют крысы на софе И, протасив по всей квартире, Укатывают за буфет. На смену спорам оборонцев как север, ровный совнарком, Безбрежный снег, и ночь, и солнце, С утра глядящее сморчком. Пониклый день, серье и быдло, Обидных выдач жалкий цикл, По виду жизнь для мотоциклов И обданных повидлой игл.

Для галок и красногвардейцев, Под черной кожей мокрый хром. Какой еще заре зардеться При взгляде на такой разгром?

На самом деле ж это небо Намыкавшейся всласть зимы, По всем окопам и совдепам За хлеб восставшей и за мир.

На самом деле это где-то Задетый ветром с моря рой Горящих глаз петросовета, Вперенных в небывалый строй.

Да, это то, за что боролись. У них в руках метеорит. И будь он даже пуст, как полюс, Спасибо им, что он открыт.

Однажды мы гостили в сфере Преданий. Нас перевели На четверть круга против зверя. Мы первая любовь земли.

Белые стихи

И в этот миг прошли в мозгу все мысли

единственные, нужные. Прошли

и умерли...

Александр Блок

Он встал. В столовой било час. Он знал, Теперь конец всему. Он встал и вышел. Шли облака. Меж строк и как-то вскользь Стучала трость по плитам тротуара, И где-то громыхали дрожки. Год Назад бальзак был понят сединой. Шли облака. Стучала трость. Лило.

Он мог сказать: "Я знаю, старый друг, Как ты дошел до этого. Я знаю, Каким ключом ты отпер эту дверь, Как ту взломал, как глядывал сквозь эту И подсмотрел все то, что увидал". Из-под ладоней мокрых облаков, Из-под теней, из-под сырых фасадов, Мотаясь, вырывалась в фонарях Захвачанная мартом мостовая. "И даже с

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
чьим ты адресом в руках Стирал ступени лестниц, мне известно". И ветер гнал ботву по рельсам рынка. "Сто ганских с кашлем зябло по утрам И, волосы расчесывая, драло Гребенкою. Сто ганских в зеркалах Бросало в дрожь. Сто ганских пило кофе. А надо было богу доказать, что ганская одна, как он задумал..." На том конце, где громыхали дрожки, Запел петух. "Что Ганская одна, Как говорила подпись Ганской в письмах, Как сон, как смерть". Светало. В том конце, где громыхали дрожки, пробуждались. Как поздно отпираются кафе, И как свежа печать сырой газеты! Ничто не мелко, жирен всякий шрифт, Как жир галош и шин, облитых солнцем. Как празден дух прошедшего без сна Таковую ночь! Как голубо пылает фитиль в мозгу! Как ласков огонек! Как непоследовательно насмешлив! Он вспомнил всех. Напротив у молочной, Рыжел навоз. Чирикал воробей. Он стал искать той ветки, на которой На части разрывался, вне себя От счастья, этот щебет. Впрочем, вскоре Он заключил, что ветка над окном, Ввиду того ли, что в его виду Перед окошком не было деревьев, Иль от чего еще. Он вспомнил всех. О том, что справа сад, он догадался По тени вяза, легшей на панель. Она блистала, как и подстаканник. Вдруг с непоследовательностью в мыслях, Приличную не спавшему, ему Подумалось на миг такое что-то, что трудно передать. В горящий мозг Вошли слова: любовь, несчастье, счастье, Судьба, событие, похождение, рок, Случайность, фарс и фальшь. Вошли и вышли. По выходе никто б их не узнал, Как девушек, остриженных машинкой И пощаженных тифом. Он решил, что этих слов никто не понимает, что это не названия картин, Не сцены, но разряды матерьялов. Что в них есть шум и вес сыпучих тел, И сумрак всех букетов москательной. Что мумией изображают кровь, Но можно иней начертить сангиной, И что в душе, в далекой глубине, Сидит такой завзятый рисовальщик И иногда рисует LUNE DE MIEU * Куском беды, крошащейся меж пальцев, Куском здоровья бешеный кошмар, Обломком бреда светлое блаженство. В пригретом солнцем синем картузе, Обдернувшись, он стал спиной к окошку. Он продавал жестяных саламандр. Он торговал осколками лазури, И ящерицы бегали, блеща, По яркому песку вдоль водостоков, И щебетали птицы. Шел народ, И дети разевали рты на диво. Кормилица царицей проплыла. За март, в апрель просилось ожерелье, И жемчуг, и глаза, кровь с молоком Лица и рук, и бус, и сарафана.

Еще по кровлям ездил снег. Еще Весна смеялась, вспенив снегу с солнцем. Десяток парниковых огурцов Был слишком слаб, чтоб в марте дать понятие О зелени. Но март их понимал И всем трубил про молодость и свежесть.

Из всех картин, что память сберегла, Припомнилась одна: ночное поле. Казалось, в звезды, словно за чулок, Мякина забивается и колет. Глаза, казалось, млечный путь пылит. Казалось, ночь встает без сил с омета И сор со звезд сметает. Степь неслась Рекой безбрежной к морю, и со степью Неслись стога и со стогами ночь.

На станции дежурил крупный храп, как пласт, лежавший на листе железа. На станции ревели мухи. Дождь Звенел об зымзу, словно о подойник. Из четырех громадных летних дней Сложилось сердце эту память правде. По рельсам плыли, прорезая мглу, Столбы сигналов, ударяя в тучи, И резали глаза. Бессонный мозг Тянуло в степь, за шпалы и сторожки. На станции дежурил храп, и дождь Ленился и вздыхал в листве. Мой ангел, Ты будешь спать: мне обещала ночь! Мой друг, мой дождь, нам некуда спешить. У нас есть время. У меня в карманах Орехи. Есть за чем с тобой в степи Полночи скоротать. Ты видел? Понял? Ты понял? Да? Не правда ль, это то? * медовый месяц (франц.). Та бесконечность? То обетованье? И стоило расти, страдать и ждать. И не было ошибкою родиться? На станции дежурил крупный храп. Зачем же так печально опаданье Безумных знаний этих? Что за грусть Роняет поцелуи, словно август, Которого ничем не оторвать От лиственницы? Жаркими губами Пристал он к ней, она и он в слезах, Он совершенно мокр, мокры и иглы...

В ы с о к а я б о л е з н ь

1923 - 1928

Мелькает движущийся ребус, Идет осада, идут дни, Проходят месяцы и лета. В один прекрасный день пикеты, Сбиваясь с ног от беготни, Приносят весть: сдается крепость. Не верят, верят, жгут огни, Взрывают своды, ищут входа, Выходят, входят, идут дни, Проходят месяцы и годы. Проходят годы, все в тени. Рождается троянский эпос. Не верят, верят, жгут огни, Нетерпеливо ждут развода, Слабеют, слепнут, идут дни, И в крепости крошатся своды.

Мне стыдно и день ото дня стыдней, Что в век таких теней Высокая одна болезнь Еще зовется песнь. Уместно ль песнью звать содом, Усвоенный с трудом Землей, бросавшейся от книг На пики и на штык. Благими намереньями вымощен ад.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Установился взгляд, Что если вымостить ими стихи, Простятся все грехи. Все это режет слух тишины, Вернувшейся с войны, А как натянут этот слух, Узнали в дни разрух.

В те дни на всех припала страсть К рассказам, и зима ночами Не уставала вшами
прясть, Как лошади прядут ушами. То шевелились тихой тьмы Засыпанные снегом уши,
И сказками металась мы На мятных пряниках подушек.

Обивкой театральных лож Весной овладевала дрожь. Февраль нищал и стал неряшлив.
Бывало, крякнет, кровь откашляв, И сплюнет, и пойдет тишком Шептать теплушкам на
ушко Про то да се, про путь, про шпалы, Про оттепель, про что попало; Про то,
как с фронта шли пешком. Уж ты и спишь, и смерти ждешь, Рассказчику ж и горя
мало: В ковшах оттаявших калаш Припутанную к правде ложь Глотает платяная вошь И
прясть ушами не устала. Хотя зарей чертополох, Стараясь выгнать тень подлиннее,
Растягивал с трудом таким же Ее часы, как только мог; Хотя, как встарь, проселок
влек, Чтоб снова на суглинок вымчать И вынести вдоль жердей и слег; Хотя осенний
свод, как нынче, Был облачен, и лес далек, А вечер холоден и дымчат, Однако это
был подлог, И сон застигнутой врасплох Земли похож был на родимчик, На смерть,
на тишину кладбищ, На ту особенную тишь, Что спит, окутав округ целый, И,
вздрагивая то и дело, Припомнить силится: "Что, бишь, Я только что сказать
хотела?" Хотя, как прежде, потолок, Служа опорой новой клетки, Тащил второй этаж
на третий И пятый на шестой волок, Внушая сменой подоплек, Что все по-прежнему
на свете, Однако это был подлог, И по водопроводной сети Взбирался кверху тот
пустой, Сосуший клекот лихолетья, Тот, жженный на огне газеты, Смерд лавра и
китайских сой, что был нудней, чем рифмы эти, И, стоя в воздухе верстой, Как бы
бурчал: "Что, бишь, постой, Имел я нынче съест в предмете?" И полз голодной
глистой С второго этажа на третий, И крался с пятого в шестой. Он славил
твердость и застой И мягкость объявлял в запрете. Что было делать? Звук исчез за
гулом выросших небес. Их шум, попавши на вокзал, За водокачкой исчезал, Потом их
относило за лес, Где сыпью насыпи казались, Где между сосен, как насос, Качался
и качал занос, Где рельсы слепли и чесались, Едва с пургой соприкасались.

А сзади, в зареве легенд, Дурак, герой, интеллигент В огне декретов и реклам
Горел во славу темной силы, Что потихоньку по углам Его с усмешкой поносила За
подвиг, если не за то, Что дважды два не сразу сто. А сзади, в зареве легенд,
Идеалист-интеллигент Печатал и писал плакаты Про радость своего заката.

В сермягу завернувшись, смерд Смотрел назад, где север мерк И снег соперничал в
усердьи С сумерничающею смертью. Там, как орган, во льдах зеркал Вокзал загадкою
сверкал, Глаз не смыкал и горе мыкал И спорил дикой красотой С консерваторской
пустотой Порой ремонтов и каникул. Невыносимо тихий тиф, Колени наши охватив,
Мечтал и слушал с содроганьем Недвижно лившийся мотив Сыпучего самосверганья. Он
знал все выемки в органе И пылью скучивался в швах Органных меховых рубаш. Его
взыскательные уши Еще упрасивали мглу, И лед, и лужи на полу Безмолвствовать как
можно суше.

Мы были музыкой во льду. Я говорю про всю среду, С которой я имел в виду Сойти
со сцены, и сойду. Здесь места нет стыду. Я не рожден, чтоб три раза Смотреть
по-разному в глаза. Еще двусмысленней, чем песнь, Тупое слово "враг" . Гошу.
Гостит во всех мирах Высокая болезнь. Всю жизнь я быть хотел как все, Но век в
своей красе Сильнее моего нитья И хочет быть, как я. Мы были музыкою чашек
Ушедших кушать чай во тьму Глухих лесов, косых замашек И тайн, не льстящих
никому. Трещал мороз, и ведра висли. Кружились галки, и ворот Стыдился
застуженный год. Мы были музыкою мысли, Наружно сохранявшей ход, Но в стужу
превращавшей в лед Заслякоченный черный ход. Но я видал девятый съезд Советов. В
сумерки сырые Пред тем обегав двадцать мест, Я проклял жизнь и мостовые, Однако
сутки на вторые, И помню, в самый день торжеств, Пошел взволнованный донельзя К
театру с пропуском в оркестр. Я трезво шел по трезвым рельсам, Глядел кругом, и
все окрест Смотрело полным погорельцем, Отказываясь наотрез Когда-нибудь
подняться с рельс. С стенных газет вопрос карельский Глядел и вызывал вопрос В
больших глазах больных берез. На телеграфные устои Садился снег тесьмой густою,
И зимний день в канве ветвей кончался, по обыкновенью, Не сам собою, но в ответ
На поученье. В то мгновенье Моралью в сказочной канве Казалась сказка про
конвент. Про то, что геня горячка Цемента крепче и белей. (кто не ходил за этой
тачкой, Тот испытай и поболей.) Про то, как вдруг в окнце недели На слепнувших
глазах творца Родятся стены цитадели Иль крошечная крепостца. Чреду веков питает
новость, Но золотой ее пирог, Пока преданье варит соус, Встает нам горла
поперек. Теперь из некоторой дали Не видишь пошлых мелочей. Забылся трафарет

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
речей, И время сгладило детали, А мелочи преобладали.

Уже мне не прописан фарс В лекарство ото всех мытарств. Уж я не помню основанья
Для гладкого голосованья. Уже я позабыл о дне, Когда на океанском дне В зияющей
японской брешу Сумела различить депеша (какой ученый водолаз) Класс спрутов и
рабочий класс. А огнедышащие горы, Казалось, вне ее разбора. Но было много дел
тупей Классификации помпей. Я долго помнил назубок Кошунственную телеграмму: Мы
посылали жертвам драмы В смягченье треска фудзиямы Агитпрофсожеский лубок.

Проснись, поэт, и суй свой пропуск. Здесь не в обычае зевать. Из лож по креслам
скачут в пропасть Мста, ладога, шексна, ловать. Опять из актового зала В дверях,
распахнутых на юг, Прошлось по лампам опахало Арктических петровых вьюг. Опять
фрегат пошел на траверс. Опять, хлебнув большой волны, Дитя предательства и
каверз Не узнает своей страны.

Все спало в ночь, как с громким порском Под царский поезд до зари По всей
окраине поморской По льду рассыпались псары. Бряцанье шпор ходило горбась,
Преданье прятало свой рост За железнодорожный корпус, Под железнодорожный мост.
Орлы двуглавые в вуали, Вагоны пульмана во мгле Часами во поле стояли, И мартом
пахло на земле. Под порховом в брезентах мокрых Вздывавшихся верст за сто вод Со
сна на весь балтийский округ Зевал пороховой завод. И уставал орел двуглавый, По
псковской области кружа, От стягивавшейся облавы Неведомого мятежа. Ах, если бы
им мог попасться Путь, что на карты не попал. Но быстро таяли запасы Отмеченных
на картах шпал. Они сорта перебирали Ищипанного полотна. Везде ручки вдоль
рельс играли, И будущность была мутна. Сужался круг, редели сосны, Два солнца
встретились в окне. Одно всходило из-за тосна, Другое заходило в дне. Чем мне
закончить мой отрывок? Я помню, говорюк его Пронзил мне искрами загривок, Как
шорох молнии шаровой. Все встали с мест, глазами втуне Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне И вырос раньше, чем вошел. Он проскользнул
неуследимо Сквозь строй препятствий и подмог, Как этот, в комнату без дыма Грозы
влетающий комок. Тогда раздался гул оаций, Как облегченье, как разряд Ядра, не
властного не рваться В кольце подержек и преград. И он заговорил. Мы помним И
памятники павшим чтим. Но я о мимолетном. Что в нем В тот миг связалось с ним
одним? Он был как выпад на рапире. Гонясь за высказанным вслед, Он гнул свое,
пиджак топыря И пеля передки штиблет. Слова могли быть о мазуте, Но корпуса его
изгиб Дышал полетом голой сути, Прорвавшей глупый слой лузги. И эта голая
картавость Отчитывалась вслух во всем, Что кровью былей начерталось: Он был их
звуковым лицом. Столетий завистью завистлив, Ревнив их ревностью одной, Он
управлял теченьем мыслей И только потому страной. Тогда его увидев въяве, Я
думал, думал без конца Об авторстве его и праве Дерзать от первого лица. Из ряда
многих поколений Выходит кто-нибудь вперед. Предвестьем льгот приходит гений И
гнетом мстит за свой уход.

Д е в я т ь с о т п я т ы й г о д

июль 1925 – февраль 1926

* * *

В нашу прозу с ее безобразьем С октября забредает зима. Небеса опускаются
наземь, Точно занавеса бахромы.

Еще спутан и свеж первопуток, Еще чуток и жуток, как весть, В неземной новизне
этих суток, Революция, вся ты, как есть.

Жанна д'Арк из сибирских колодниц, Каторжанка в вожжах, ты из тех, Что бросались
в житейский колодец, Не успев соразмерить разбег.

Ты из сумерек, социалистка, Секла свет, как из груди огнив. Ты рыдала, лицом
василиска Озарив нас и оледенив.

Отвлеченная грохотом стрельбищ, Оживающих там, вдалеке, Ты огни в отчужденьи
колеблешь, Точно улицу вертишь в руке.

И в блуждании хлопьев кутежных Тот же гордый, уклончивый жест: Как собой
недовольный художник, Отстраняешься ты от торжеств.

Как поэт, отпылав и отдумав, Ты рассеянья ищешь в ходьбе. Ты бежишь не одних

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
толстосумов: Все ничтожное мерзко тебе.

Отцы

Это было при нас. Это с нами вошло в поговорку, и уйдет. И однако, за быструю сменой лет, стерся след, словно год стал нулем меж девятки с пятеркой, стерся след, были нет, от нее не осталось примет. Еще ночь под ружьем и заря не взялась за винтовку. И однако, взгляды: на деле гораздо светлей. Этот мрак под ружьем погружен в полусон забастовкой. Эта ночь наше детство и молодость учителей. ей предшествует вечер крушений, кружков и героев, динамитчиков, дагерротипов, горенья души. ездят тройки по трактам, но, фабрик по трактам настроив, поднимаются саввы и зреют викулы в глуши. барабанную дробь заглушают сигналы чугунок. гром позорных телег громохание первых платформ. крепостная россия выходит с короткой приструнки на пустырь и зовется россияю после реформ. это народовольцы, перовская, первое марта, нигилисты в поддевках, застенки, студенты в пенсне. повесть наших отцов, точно повесть из века стюартов, отдаленней, чем пушкин, и видится точно во сне.

да и ближе нельзя: двадцатипятилетье в подпольи. клад в земле. на земле обездушенный калейдоскоп. что бы клад откопать, мы глаза напрягаем до боли. покорясь его воле, спускаемся сами в подкоп.

тут бывал достоевский. затворницы ж эти, не чаяв, что у них, что ни обыск, то вывоз реликвий в музей, шли на казнь и на то, чтоб красу их подпольщик нечаев скрыл в земле, утаил от времен и врагов и друзей.

это было вчера, и, родился мы лет на тридцать раньше, подойди со двора, в керосиновой мгле фонарей, среди мерцанья реторт мы нашли бы, что те лаборантши наши матери или приятельницы матерей.

моросит на дворе. во дворце улеглась суматоха. тухнут плошки. теплынь. город вымер и словно оглох. облетевшим листом и кладбищенским чертополохом дышит ночь. ни души. дремлет площадь, и сон ее плох. но положенным слогом писались и нынче доклады, и в неведеньи бед за невою пролетка гремит. а сентябрьская ночь задыхается тайною клада, и степану халтурину спать не дает динамит. эта ночь простоит в забытии до времен порт-артура. телеграфным столбам будет дан в вожак эшафот. шепот жертв и депеш, участья, усыпит агентуру, и тогда-то придет та зима, когда все оживет. мы родимся на свет. как-нибудь предвечернее солнце подзовет нас к окну. мы одухотворим наугад непривычный закат, и при зрелище труб потрясемся, как потрясса, кто б мог оглянуться лет на сто назад. точно лаокоон будет дым на трескучем морозе, оголясь, как атлет, обнимать и валить облака. ускользящий день будет плыть на железных полозьях телеграфных сетей, открывающихся с чердака. а немного спустя, и светя, точно блудному сыну, чтобы шею себе этот день не сломал на шоссе, выйдут с лампами в ночь и с небес будут бить ему в спину фонари корпусов сквозь туман, полоса к полосе.

Детство

мне четырнадцать лет. вхутемас еще школа ваянья. в том крыле, где рабфак, наверху, мастерская отца. в расстоянью версты, где столетняя пыль на диане и холсты, наша дверь. пол из плит и на плитах грязца. это дебри зимы. с декабря воцаряются лампы. порт-артур уже сдан, но идут в океан крейсера, шлют войска, ждут эскадр, и на старое зданье почтамта смотрят сумерки, краски, палитры и профессора.

сколько типов и лиц! вот душевнобольной. вот тупица. в этом теплится что-то. а вот совершенный щенок. в классах яблоку негде упасть и жара, как в теплице. звон у флора и лавра сливается с шарканьем ног.

как-то раз, когда шум за стеной, как прибой, неослаблен, омут комнат недвижим и улица газом жива, раздается звонок, голоса приближаются: скрябин. о, куда мне бежать от шагов моего божества! близость праздничных дней, четвертные. конец полугодья. искрясь струнным нутром, дни и ночи открыт инструмент. сочиняй хоть с утра, дни идут. рождество на исходе. сколько отдано елкам! и хоть бы вот столько взамен. петербургская ночь. воздух пучится черною льдиной от иглистых шагов. никому не чинится препон. кто в пальто, кто в тулупе. луна холодеет полтиной. это в нарвском отделе. толпа раздается: гапон. в зале гул. духота. тысяч пять сосчитали деревья. сеясь с улицы в сени, по лестнице лепится снег. здесь

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
родильный приют, И в некрашеном сводчатом чреве Бьется об стены комнат Комком неприкрашенным Век. Пресловутый рассвет. Облака в куманике и клюкве. Слышен скрип галерей, И клубится дыханье помой. Выбегают, идут С галерей к воротам, Под хоругви, От ворот – на мороз, На простор, Подоженный зимой. Восемь громких валов И девятый, Как даль, величавый. Шапки смыты с голов. Спаси, господи, люди твоя. Слева – мост и канава, Направо – погост и застава, Сзади – лес, Впереди Передаточная колея.

На каменноостровском. Стечение народа повсюду. Подземелья, панели. За шествием плещется хвост Разорвавших затвор Перекрестков И льющихся улиц. Демонстранты у парка. Выходят на троицкий мост.

Восемь залпов с невы И девятый, Усталый, как слава. Это (слева и справа Несутся уже на рысях.) Это (дали орут: Мы сочтемся еще за расправу.) Это рвутся Суставы Династии данных Присяг.

Тротуары в бегущих. Смеркается. Дню не подняться. Перекату пальбы Отвечают Пальбой с баррикад. Мне четырнадцать лет. Через месяц мне будет пятнадцать. Эти дни, как дневник. В них читаешь, Открыв наугад.

Мы играем в снежки. Мы их мнем из валяющихся с неба Единиц И снежинок И толков, присущих поре. Этот оползень царств, Это пьяное паданье снега Гимназический двор На углу поварской В январе. Что ни день, то метель. Те, что в партии, Смотрят орлами. Это в старших. А мы: Безнаказанно греку дерзим, Ставим парты к стене, На уроках играем в парламент И витаем в мечтах В нелегальном районе грузин. Снег идет третий день. Он идет еще под вечер. За ночь Проясняется. Утром Громовый раскат из кремля: Попечитель училища... Насмерть... Сергей александрыч... Я грозу полюбил В эти первые дни февраля.

Мужики и фабричные

Еще в марте Буран Засыпает все краски на карте. Нахлобучив башлык, Отсыпается край, Как сурок. Снег лежит на ветвях, В проводах, В разветвлениях партий, На кокардах драгун И на шпалах железных дорог. Но не радуется даль. Как раздолье собой ни любуйся, Верст на тысячу вширь, В небеса, Как сивушный отстой, Ударяет нужда Перегарами спертого буйства. Ошибает На стуже Стоградусною нищетой. И уж вот У господ Расшибают пожарные снасти, И громадами зарев Командует море бород, И уродует страсть, И орудуют конные части, И бушует: Вставай, Подымайся, Рабочий народ.

И бегут, и бегут, На санях, Через глушь перелесиц, В чем легли, В чем из спален Спасались, Спаленные в пух. И весь путь В сосняке Ворожит замороженный месяц. И торчит копылом И кривляется Красный петух.

Нагибаясь к саням, Дышат ели, Дымятся и ропщут. Вон огни. Там уезд. Вон исправника дружеский кров. Еще есть поезда. Еще толки одни о всеобщей: Забастовка лишь шастает По мостовым городов.

Лето. Май или июнь. Паровозный везувий под лодзью. В воздух вогнаны гвозди. Отеки путей запеклись. В стороне от узла Замирает Грохочущий отзыв: Это сыплются стекла И струнья Расстрелянных гильз.

Началось, как всегда. Столкновение с войсками В предместьи Послужило толчком. Были жертвы с обеих сторон. Но рабочих зажгло И исполнило жаждою мести Избиенье толпы, Повторенное в день похорон. И тогда-то Загрохали ставни, И город, Артачась, Оголенный, Без качеств, И каменный, как никогда, Стал собой без стыда. Так у статуй, Утративших зрячесть, Пробуждается статность. Он стал изваяньем труда. Днем закрылись конторы. С пяти прекратилось движение. По безжизненной лодзи Бензином Растекся закат. Озлобление рабочих Избрало разьезды мишенью. Обезлюдивший город Опутала сеть баррикад. В ночь стянули войска. Давши залп с мостовой, Из-за надолб, С баррикады скрывались И, сдав ее, жарили с крыш. С каждым кругом колес артиллерии Кто-нибудь падал Из прислуги, И с каждой Пристяжкой Падал престиж.

Морской мятеж

Придается все, Лишь тебе не дано примелькаться. Дни проходят, И годы проходят И тысячи, тысячи лет. В белой рьяности волн, Прячась В белую пряность акаций,

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Может, ты-то их, Море, И сводишь, и сводишь на нет. Ты на куче сетей. Ты курлычешь, Как ключ, балагурия, И, как прядь за ушком, чуть щекочет струя за кормой. Ты в гостях у детей. Но какую неслыханной бурей Отзываешься ты, Когда даль тебя кличет домой!

Допотопный простор Свирепеет от пены и сипнет. Расторопный прибой Сатанеет От прорвы работ. Все расходится врозь И по-своему воеет и гибнет, И, свинья от тины, По сваям по-своему бьет.

Пресноту парусов Оттесняет назад Одинакость Помешавшихся красок, И близится ливня стена. И все ниже спускается небо И падает наось, И летит кувырком, И касается чайками дна.

Гальванической мглой Взбаламученных туч Неуклюже, Вперевалку, ползком, Пробираются в гавань суда. Синеногие молнии Лягушками прыгают в лужу. Голенастые снасти Швыряет Туда и сюда.

Все сбиралось всхрапнуть. И карабкались крабы, И к центру Тяжелевшего солнца Клонились головки репья. И мурлыкало море. В версте с половиной от тендра, Серый кряж броненосца Оранжевым крапом Рябя. Солнце село. И вдруг Электричеством вспыхнул "Потемкин". Со спардека на камбуз Нахлынуло полчище мух. Мясо было с душком... И на море упали потемки. Свет брюзжал до зари И забрезжившим утром потух. Глыбы Утренней зыби Скользнули, как ртутные бритвы, По подножью громады, И, глядя на них с высоты, Стал дышать броненосец И ожил. Пропели молитву. Стали скатывать палубу. Вынесли в море щиты. За обедом к котлу не садились И кушали молча Хлеб да воду, Как вдруг раздалось: - Все на ют! По местам! На две вахты! И в кителе некто, Чернея от желчи, Гаркнул: - Смирно! С буксирного кнехта Грозят семистам. - Недовольство!!! Кто кушать - к котлу, Кто не хочет - на рею. Выходи! Вахты замерли, ахнув. И вдруг, сообщая, Устремились в смятеньи От кнехта Бегом к батарее. - Стой! Довольно! Вскричал Озверевший апостол борца. Часть бегущих отстала. Он стал поперек. - Снова шашни!!! Он скомандовал: - Боцман, Брезент! Караул, оцепить! Остальные, Забившись толпой в батарейную башню, Ждали в ужасе казни, Имевшей вот-вот наступить.

Шибко бились сердца. И одно, Не стерпевшее боли, Взвыло: - Братцы! Да что ж это! И, волоса шевеля: - Бей их, братцы, мерзавцев! За ружья! Да здравствует воля! Лязгом стали и ног Откатилось К лапам корабля.

И восстанье взвилось, Шелестя, До высот за бизанью, И раздулось, И там Кистенем Описало дугу. - Что нам взапуски бегать! Да стой же, мерзавец! Достану! Трах-тах-тах... Вынос кисти по цели И залп на бегу.

Трах-тах-тах... И запрыгали пули по палубам, С палуб, Трах-тах-тах... По воде, По пловцам. - Он еще на борту!!! Залпы в воду и в воздух. - Ага! Ты звереешь от жалоб!!! Залпы, залпы, И за ноги за борт И марш в порт-артур.

А в машинном возились, Не зная еще хорошенько, Как на шканцах дела, Когда, тенью проплыв по котлам, По машинной решетке Гигантом Прошел Матюшенко И, нагнувшись над адом, Вскричал: - Степа! Наша взяла! Машинист понял. Обнялись. - Попытаем без нянек. Будь покоен! Под стражей. А прочим по пуле и вплавь. Я зачем к тебе, Степа, Каков у нас младший механик? - Есть один. - Ну и ладно. Ты мне его наверх отправь. День прошел. На заре, Облачась в дымовую завесу, Крикнул в рупор матросам матрос: - выбирай якоря! Голос в облаке смолк. Броненосец пошел на одессу, По суровому кряжу Оранжевым крапом Горя.

Студенты

Бауман! Траурным маршем Ряды колыхавшее имя! Шагом, Кланяясь флагам, Над полной голов мостовой Волочились балконы, По мере того как под ними Шло без шапок: "Вы жертвою пали в борьбе роковой". С высоты одного, Обеспамятев, Бросился сольный Женский альт. Подхватили. Когда же и он отрыдал, Смолкло все. Стало слышно, Как колет мороз колокольни. Вихри сахарной пыли, Свистя, Пронеслись по рядам. Хоры стихли вдаль. Залохматилась тьма. Подворотни Скрыли хлопья. Одернув Передники на животе, К моховой от охотного Двинулась черная сотня, Соревнуя студенчеству В первенстве и правоте.

Где-то долг отдавался последний, И он уже воздан. Молкнет карканье в парке, И прах на ваганькове Нем. На погостной траве Начинают хозяйничать Звезды. Небо

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
дремлет, Зарывшись В серебряный лес хризантем.

Тьма. Плутанье без плана, И вдруг, Как в пролете чулана, Угол улицы - в желтом ожоге. На площади свет! Вьюга лошадью пляшет буланой, И в шапке улана Пляшут книжные лавки, Манеж И университет.

Ходит, бьется безлюдье, Бросая бессонный околыш К кровле книжной торговли. Но только В тулью из огня Входят люди, она Оглашается залпами "Сволочь!"
Замешательство. Крики: "Засада! Назад!" Беготня.

Ворота на запоре. Ломай! Подаются. Пролеты, Входы, вешалки, своды. "Позвольте. Сойдите с пути!" Ниши, лестницы, хоры, Шинели, пробирки, кислоты. "Тише, тише, Кладите. Без пульса. Готов отойти". Двери врозь. Вздох в упор Купороса и масляной краски. Кольты прочь, Польша на пол, К шкапам, засуча рукава. Эхом в ночь: "Третий курс! В реактивную, на перевязку!" "Снегом, снегом, коллега". - Ну, как? "Да куда. Чуть жива". А на площади группа. Завейный тьмой ломоносов. Лужи теплого вара. Курящийся кровью мороз. Трупы в позах полета. Шуршащие складки заноса. Снято снегом, Проявлено вечностью, разом, вразброс. Где-то сходка идет, И в молчанье палатных беспамятств Проникают Сквозь стекла дверей Отголоски ее. "Протестую. Долой". Двери вздрагивают, упрямясь, Млечность матовых стекол И марля на лбах. Забытье.

Москва в декабре

Снится городу: Все, Чем кишит, Исключая шпионства, Озаренная даль, Как на сыплющееся пшено, Из окрестностей пресни Летит На трехгорное солнце, И купается в просе, И просится На полотно. Солнце смотрит в бинокль И прислушивается К орудьям, Круглый день на закате И круглые дни на виду. Прудовая заря Достигает До пояса людям, И не выше груди Баррикадные рампы во льду.

Беззаботные толпы Снуют, Как бульварные крали. Сутки, Круглые сутки Работают Поршни гульбы. Ходят гибели ради Глядеть пролетарского гряля, Шутят жизнью, Смеются, Шатают и валят столбы.

Вот отдельные сцены. Аквариум. Митинг. О чем бы Ни кричали внутри, За сигарой сигару куря, В вестибюле дуреет Дружинник С фитильною бомбой. Трут во рту. Он сосет эту дрянь, Как запал фонаря.

И в чаду, за стеклом Видит он: Тротуар обезродел. И еще видит он: Расскаавшись На снежном кругу, Как с летящих ветвей, Со стремян И прямящихся седел, Спешась, градом, Как яблоки, Прыгают Куртки драгун. На десятой сигаре, Тряхнув театральною дверью, Побледневший курильщик Выходит На воздух, Во тьму. Хорошо б отдышаться! Бабах... И - как лошади прерий Табуном, Врассыпную И сразу легчает ему. Шашки. Бабы платки. Бакенбарды и морды вогулок. Густо бредят костры. Ну и кашу мороз заварил! Гулко ухаёт в фидлерцев Пушкиной Машков переулок. Полтораста борцов Против тьмы без числа и мерил. После этого Город Пустеет дней на десять кряду. Исчезает полиция. Снег неисслежен и цел. Кривизну мостовой Выпрямляет Прицел с баррикады. Вымирает ходок И редчает, как зубр, офицер. Всюду груды вагонов, Завещанных конною тягой. Электрический ток Только с год Протянул провода. Но и этот, поныне Судящийся с далью сутяга, Для борьбы всю как есть Отдает свою сеть без суда. Десять дней, как палят По миусским конюшням Бутырки. Здесь сжились с трескотней, И в четверг, Как смолкает пальба, Взоры всех Устремляются Кверху, Как к куполу цирка: Небо в слухах, В трапециях сети, В трамвайных столбах.

Их - что туч. Все черно. Говорят о конце обороны. Обыватель устал. Неминуемо будет праветь. "Мин и Риман", Гремят на заре Переметы перрона, И семеновский полк Переводят на брестскую ветвь.

Значит, крышка? Шабаш? Это после боев, караулов Ночью, стужей трескучей, С винчестерами, вшестером? .. Перед ними бежал И подошвы лизал Переулок. Рядом сад холодел, Шелестя ледяным серебром.

Но пора и собираться. Смеркается. Крепнет осада. В обручах канонады Сараи, как кольца, горят. Как воронье гнездо, Под деревья горящего сада Сносит крышу со склада, Кружась, Бесноватый снаряд.

Понесло дураков! Это надо ведь выдумать: В баню! Переждать бы смекнули. Добро,

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
коли баня цела. Сунься за дверь – содом. Небо гонится с визгом кабаньим за
сдуревшей землей. Топот, ад, голошенье котла.

В свете зарева Наспех У прохорова на кухне Двое бороды бреют. Но делу бритьем не
помочь. Точно мыло под кистью, Пожар Наплывает и пухнет. Как от искры, Пылает От
имени минова ночь. Все забилося в подвалы. Крепиться нет сил. По заводам Темный
ропот растет. Белый флаг набивают на жердь. Кто ж пойдет к кровопийце? Известно
кому, – коноводам! Топот, взвизги кабаньи, На улице верная смерть. Ад дымит
позади. Пуль не слышно. Лишь выюги порханье бороздит тишину. Даже жутко без
зарев и пуль. Но дымится шоссе, И из вихря Казаки верхами. Стой! Расспросы и
обыск, И вдаль улетает патруль. Было утро. Простор Открывался бежавшим героям.
Пресня стлалась пластом, И, как смятый грозой березняк, Роем бабьих платков Мыла
Выступы конного строя И сдавала Смирителям Браунинги на простынях.

Л е й т е н а н т Ш м и д т

(март 1926 – март 1927)

Часть первая

1

Поля и даль распластывались эллипсом. Шелка зонтов дышали жаждой грома. Палящий
день бездонным небом целился в трибуны скакового ипподрома.

Народ потел, как хлебный квас на леднике, Привороженный таяньем дистанций.
Крутясь в смерче копыт и наголенников, Как масло били лошади пространство.

А позади размерно бьющим веяньем Какого-то подземного начала Военный год
взвивался за жокеями И лошадьми и спицами качалок.

О чем бы ни шептались, что бы не пили, Он рос кругом и полз по переходам, И
вмешивался в разговор, и пепельной щепоткою примешивался к водам.

Все кончилось. Настала ночь. По киеву Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень. И
хлынул дождь. И как во дни батыевы, Ушедший день стал странно стародавен.

2

"Я вам писать осмеливаюсь. Надо ли напоминать? Я тот моряк на дерби. Вы мне
тогда одну загадку задали. А впрочем, после, после. Время терпит.

Когда я увидел вас... Но до этого Я как-то жил и вдруг забыл об этом, И разом
начал взглядом вас преследовать, И потерял в толпе за турникетом.

Когда прошел столбняк моей бестактности, Я спохватился, что не знаю, кто вы.
Дальнейшее известно. Трудно стакнуться, Чтоб встретиться столь баснословно
снова. Вы вдумались ли только в то, какое здесь Раздолье вере! – Оскорбиться
взглядом, Пропасть в толпе, случиться ночью в поезде, Одернуть зонт и очутиться
рядом!"

3

Над морем бурный рубчик Рубиновой зари. А утро так пустынно, что в тишине,
граничащей с утратой смысла, слышно, как, что-то силясь вытащить, Гремит багром
пучина И шарит солнце по дну, И щупает багром. И вот в клоаке водной Отыскан
диск всевидящий. А севастополь спит еще, И утро так пустынно, Кругом такая тишь,
что на вопрос пучины, Откуда этот гром, В ответ пустые пристани: От плеска волн
по диску, От пихт, от их неистовства, От стука сонных лиственниц О черепицу
крыш. Известно ли, как влюбчиво Бездонное пространство? Какое море ревности К
тому, кто одинок! Как, по извечной странности Родимый дух почувствовал, Летит в
окошко пустошь, Как гость на огонек. Известно ль, как навязчива Доверчивость
деревьев. Как, в жажде настоящего, Ночная тишина, Порвавш с ветром с вечера,
Порывом одиночества Влетает, как налетчица, К незнающему сна? За неимением
лучшего Он ей в герои прочится. Известно ли, как влюблива Тоска земного дна?
Заре, корягам якорным, Волнам и расстояньям Кого-то надо выделить, Спасти и
отстоять. По счастью, утром ранним В одноэтажном флигеле Не спит за перепиской
Таинственный моряк.

Всю ночь он пишет глупости, Вздремнет – и скок с дивана. Бежит в воде похлюпать и снова на диван. Потoki света рушатся, Урчат ночные ванны, Найдет волна кликушества Он сызнова под кран.

"Давайте, посчитаемся. Едва сюда я прибыл, Я все со дня приезда Вношу для вас в реестр, И вам всю душу выболтал Без страха, как на таинстве, Но в этом мало лестного, И тут великий риск.

Опасность увеличится С течением дней дождливых. Моя словоохотливость Заметно возрастает. Боюсь, не отпугнет ли вас Тогда моя болтливость? Вы отмолчитесь, скрытчица, Я ж выболтаюсь вдрызг.

.

Вы скажете – ребячество. Но близятся события. А ну как в их разгаре Я скроюсь с ваших глаз? Едва ль они насытятся Одной живую тварью: Ваш образ тоже спрячется, Мне будет не до вас. Я оглушусь их грохотом И вряд ли уцелею. Я прокачусь их эхом, А эхо длится миг. И вот я с просьбой крохотной: Ввиду моей затеи Нам с вами надо б съехаться до них и ради них" .

4

Октябрь. Кольцо забастовок. О ветер! О ада исчадь! И моря, и грузов, и кладки Летящие пряди. О буря брошюр и листовок! О слякоть! О темень! О зовы Сирен, и замки и засовы В начале шестого. От тюрем – к брошюрам и бурям. О ночи! О вольные речи! И залпам навстречу – увечья Отвесные свечи! О кладбище в день погребенья! И в лад лейтенантовой клятве Заплаканных взглядов и платьев Кивки и объятья! О лестницы в крепе! О пенье! И хором в ответ незнакомцу Стотысячной бронзой о бронзу: Клянись! Клянемся! О вихрь, обрывающий фразы, Как клены и вязы! О ветер, Щадящий из связей на свете Одни междометья! Ты носишь бушующей гладью: "Потомства и памяти ради Ни пяди обратно! Клянись!" "Клянемся. Ни пяди!"

5

Постояйте! Куда вы? Читать? Не дотолчетесь! Все сперлось в беспорядке за фортами, и земля, Ничего не боясь, ни о чем не заботясь, Парит растрепой по ветру, как бог пошлет, крылья. Еще вчерашней ночью гуляющих заботил Ежевечерний очерк севастопольских валов, И воронье редутов из вереницы метел В полете превращалось в стаю песьих голов. Теперь на подъездах расклеен оттиск Сырого манифеста. Ничего не боясь, Ни о чем не заботясь, обкладывает подпись Подклеистеренным пластырем следы недавних язв. Даровать населению незыблемые основы Гражданской свободы. Установить, чтоб никакой... И, зыбким киселем заслякотив засовы, На подлинном собственной его величества рукой. Хотя еще октябрь, за дряблой дрожью ветел Уже набрякли сумерки хандрою ноября. Виной ли манифест, иль дождик разохотил, Саперы месят слякоть, и гуляют егеря. Дан в петергофе. Дата. Куда? Свои! Не бойтесь! В порту торговом давка. Солдаты, босяки. Ничего не боясь, ни о чем не заботясь, Висят замки в отеках картофельной муки.

6

Три градуса выше нуля. Продрогшая земля. Промозглое облако во сто голов Сечет крупной подошвы стволы, И лоском олова берясь На градоносном бризе, Трепещет листьев неприязнь К прикосновенью слизи.

И голая ненависть листьев и лоз Краснеет до корней волос. Не надо. Наземь. Руки врозь! Готово. Началось.

Айва, антоновка, кизил, И море черное вблизи: Рашенье гор, и переворот, И в уши и за уши, изо рта в рот.

Ушаты холода. Куски Гребнистой, ослепленно скотской В волненьи глотающей волны, как клецки, Сквозной, ристалищной тоски.

Агония осени. Антогонизм Пехоты и морских дивизий И агитаторша-девица С жаргоном из аптек и больниц.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И каторжность миссии: переорать (борьба, борьбы, борьбе, борьбою,
Пролетарьят, пролетарьят) Иронию и соль прибоа, Родящую мятеж в ушах В семидесяти
падажах. И радость жертвовать собою, И – случая слепой каприз.

Одышливость тысяч в бушлатах по-флотски, Толпою в волненьи глотающих клецки
Немыслимых слов с окончаньем на изм, Нерусских на слух и неслыханных в жизни (а
разве слова на казенном карнизе Казармы, а разве морские бои, А признанные
отчизной слои Свои!!!) И упоенье героини, Летящей из времен над синей Толпою, –
головой вниз, По переменной атмосфере Доверия и недоверья В иронию соленых
брызг. О государства истукан, Свободы вечное преддверье! Из клеток крадутся
века, По колизею бродят звери, И проповедника рука Бесстрашно крестит клеть
сырую, Пантеру верой дрессируя, И вечно делается шаг От римских цирков к римской
церкви, И мы живем по той же мерке, Мы, люди катакомб и шахт.

7

Вдруг кто-то закричал: пехота! Настал волненья апогей. Амуниционный шорох роты
Командой грохнулся: к ноге! В ушах шатался шаг шоссейный И вздрагивал, и
замирал. По строю с капитаном штейном Прохаживался адмирал. "Я б ждать не стал,
чтоб чирей вызрел. Я б гнал и шпарил по пятам. Предлогов тьма. Случайный
выстрел, И – дело в шляпе, капитан". "Parlez plus bas, – заметил сухо *)

-----*) говорите потише (франц.)

Другой. – Притом я не оглох, Подумайте, какого слуха Коснуться может диалог" .
Шагах в восьми от адмирала, Щетинясь гранями штыков, Молодцевато замирала
Шеренга рослых моряков. И вот, едва ушей отряда Достиг шуточный разговор, Как
грянуло два длинных кряду Нежданных выстрела в упор. Все заслонилось передрягой.
Изгладилось, как, поболел, "Ты прав!" – Вскричал матрос с "Варяга", Георгиевский
кавалер. Как, дважды приложась с колена, Шварк об землю ружье, и вмиг Привстал,
и, точно куртка тлела, Стал рвать душивший воротник. И слышал: одного
смертельно, И знал – другого наповал, И рвал гайтан, и тискал тельник, И ребер
сдерживал обвал.

А уж перекликались с плацем Дивизии. Уже копной Ползли и начинали стлаться
Сигналы мачты позывной. И вдруг зашевелилось море. Взвились эскадры языки и
дернулись в переговоре Береговые маяки.

"Ведь ты – не разобрав, без злобы? Ты стой на том и будешь цел" . – "Нет,
вашество, белить не пробуй, Я вздраве наводил прицел" . "Тогда", – и вдруг
застряло слово Кругом, что мог окинуть глаз: "Ты сам пропал и арестован",
Восстанья присказка вилась.

8

"Вообрази, чем отвратительней Действительность, тем письма глаже. Я это проверил
на "трех святителях", Где третий день содержишь под стражей.

Покамест мне бояться нечего, Да и – не робкого десятка. Прими нелепость
происшедшего Без горького осадка.

И так как держать меня ровно не за что, То и покончим с этим делом. Вот как
спасти от мыслей, лезущих Без отступа по суткам целым?

Припомнишь мать, и опять безоглядно Жизнь пролетает в караване Изголодавшихся
и радужных Надежд и разочарований. Оглянешься – картина целостней. Чем больше
было с нею розни, Чем чаще думалось: что делать с ней? Тем и ее ответ серьезней.
И снова я в морском училище. О, прочь отсюда, на минуту Вздохнувши мерзости
бессильящей! Дивлюсь, как цел ушел оттуда. Ведь это там, на дне военщины, Навек
ребенку в сердце вкован Облитый мукой облик женщины В руках поклонников баркова.
И вновь я болен ей, и ратую Один, как перст, средь мракобесья, Как мальчиком в
восьмидесятые. Ты помнишь эту глушь репрессий? А помнишь, я приехал мичманом К
вам на лето, на перегибе От перечитанного к личному, Еще мне предрекали гибель?
Тебе пришлось отца задабривать. Ему, контр-адмиралу, чуден Остался мой уход...
На фабрику Сельскохозяйственных орудий. Взгляни ж теперь, порою выводов При
свете сбывшихся иллюзий На невидаль того периода, На брата в выпачканной блузе".

9

Окрестности и крепость, Затянутые репсом, Терялись в ливне обложном, Как под дорожным кожаном. Отеки водянки Грязнили горизонт, Суда на стоянке И гарнизон. С, утра тянулись семьями Мещане по шоссе Различных орьентаций, Со странностями всеми, В ландо, на тарантасе, В повальном бегстве все. У города со вторника Утроилось лицо: Он стал гнездом затворников, Вояк и беглецов. Пред этим, в понедельник, В обеденный гудок Обезголосил эллинг И обезлюдил док.

Развертывались порознь, Сошлись невпроворот За слесарно-сборочной, У выходных ворот. Солдатки и служанки

Исчезли с мостовых В вихрях "Варшавянки" И мастеровых. Влились в тупик казармы И - вон из тупика, Клубясь от солидарности Брестского полка.

Тогда, и тем решительней, Чем шире рос поток, Встревоженные жители Пустились наутек. Но железнодорожники Часам уже к пяти Заставили порожними Составами пути. Дорогой, огибавшей Военный порт, с утра Катались экипажи, Мелькали кучера. Безмолвствуя, потерянно Струями вис рассвет, Толстый, как материя, как бисерный кисет.

Деревья всех рисунков Сгибались в три дуги Под ранцами и сумками Сумрака и мги. Вуали паутиной Топырились по ртам. Столбы, скача под шины, Несли ко всем чертям. Майорши, офицерши Запахивали плащ. Вдогонку им, как шершень, Свистел шоссейный хрящ. Вставали кипарисы; Кивали, подходя; Росли, чтоб испариться В кисее дождя.

Часть вторая

1

Вырываясь с моря, из-за почты, Ветер прет на ощупь, как слепой, К повороту, несмотря на то что Тотчас же сшибается с толпой. Он приперт к стене ацетиленом, Втоптан в грязь, и несмотря на то, Трын-трава и - море по колено: Дует дальше с той же прямою. Вон он бьется, обваривши харю, За косою рамой фонаря И уходит, вынырнув на паре Торопливых крыл нетопыря. У матросов, несмотря на пору И порывы ветра с пустыря, На дворе казармы - шум и споры Этой темной ночью ноября. Их галдит за тысячу, и каждым, Точно в бурю вешний буерак, Разворочен, взрыт и взбудоражен И буграми поднят этот мрак. Пахнет волей, мокрою картошкой, Пахнет почвой, норками кротов, Пахнет штормом, несмотря на то что Это шторм в открытом море ртов. Тары-бары, шутки балагура, Слухи, толки, шарканье подошв Так и ходят вокруг одной фигуры, Как распространившийся падеж. Ходит слух, что он у депутатов, Ходит слух, что едет в комитет, Ходит слух, - и вот как раз тогда-то Нарастает что-то в темноте, И, глуша раскатами догадки И сметая со всего двора Караулки, будки и рогатки, Катится и катится ура. С первого же сказанного слова Радость покидает берега. Он дает улечься ей, и снова Удесятеряет ураган. Долго с бурей борется оратор. Обожанье рвется на простор. Не словами - полной их утратой Хочет жить и дышит их восторг. Это объяснение исполинов. Он и двор обходятся без слов. Если с ними флаг, то он - малинов. Если мрак за них, то он - лилов. Все же раз доносится: эскадра. Это с тем, чтоб братья, да с умом. И потом другое слово: завтра. Это, верно, о себе самом.

2

Дорожных сборов кавардак. "Твоя" твердящая упрямо, С каракулями на бортах, Сырая сетка телеграммы.

"Мне тридцать восемь лет. Я сед. Не обернешься, глядь - кондрашка". И с этим об пол хлоп портплед, Продернув ремешки сквозь пряжки.

И на карачках под диван, Потом от чемодана к шкапу... Любовь, горячка, караван вещей, переселенных на пол.

Как вдруг звонок, и кабинет В перекосившемся: о боже! И рядом: "Папы дома нет". И грохотанье ног в прихожей.

Но двери настезь, и в дверях: "Я здесь. Я враг кровопролитья". - "Тогда какой же вы моряк, какой же вы тогда политик?"

Вы революционер? В борьбу Не вяжутся в перчатках дамских". - "Я собираюсь в

3

Подросток реалист, Разняв драпри, исчез С запиской в глубине Отцова кабинета.
Пройдя в столовую И уши наострив, Матрос подумал: "Хорошо у Шмидта".

Было это в ноябре, Часу в четвертом. Смеркалось. Скромность комнат Спорила с комфортом. Минуты три извне Не слышалось ни звука В уютной, как каюта, Конуре. Лишь по кутерьме Пылинок в пятерне портьеры, Несмело шмыгавших По книгам, по кошке И окнам запотелым, Видно было: Дело К зиме. Минуты три извне Не слышалось ни звука В глухой тиши, как вдруг За плотными драпри Проклятья раздались Так явственно, как будто тут внутри: – Чухнин! Чухнин!!! Погромщик бесноватый! Виновник всей брехни! Разоружать суда? Нет, клеветник, Палач, Инсинуатор, Я научу тебя, отродье ката, отличать От правых виноватых! Я черноморский флот, холоп и раб, Забью тебе, как кляп, как клепку, в глотку. И мигом ока двери комнаты вразлет. Буфет, стаканы, скатерть... – Катер? – Лодка! В ответ на брошенный вопрос – матрос, И оба – вон, очаковец за шмидтом, Невпопад, не в ногу, из дневного понемногу

в ночь, Наугад куда-то, вперехват заката, По размытым рытвинам садовых гряд. В наспех стянутых доспехах Жарких полотняных лат, В плотном, потном, зимнем платье С головы до пят, В облака, закат и эхо По размытым, сбитым плитам Променад. Потом бегом. Сквозь поросли укропа, Опрометью с оползня в песок, И со всех ног, тропой наискосок Кругом обрыва. Топот, топот, топот, Топот, топот, – поворот – другой И вдруг как вкопанные, стоп: И вот он, вот он весь у ног, Захлебывающийся Севастополь, Весь вобранный, как воздух, грудью двух Бездонных бухт, И полукруг Затопленного солнца за "Синопом". С минуту оба переводят дух И кубарем с последней кручи – бух В сырую грудю рухнувшего бута.

4

В зимней призрачной красе Дремлет рейд в рассветной мгле, Сонно кутаясь в туман

Путаницей мачт И купаясь, как в росе, Оторопью рей В серебре и перламутре Полумертвых фонарей. Еле-еле лебезит Утренняя зыбь. Каждый еле слышный шелест, Чем он мельче и дряблей, Отдается дрожью в теле Кораблей.

Он спит, притворно занедужась, Могильным сном, вогнав почти Трехверстную округу в ужас. Он спит, наружно вызвав штиль. Он скрылся, как от колотушек, В молочно-белой мгле. Он спит За пеленою малодушья. Но чем он с панталыку сбит?

С утра на суше – муравейник. В тумане тащатся войска. Всего заметней их роенье Толпе у павлова мыска. Пехотный полк из павлограда С тринадцатую полевой Артиллерийскою бригадой И – проба потной мостовой.

Колеса, кони, пулеметы, Зарядных ящиков разбег, И – грохот, грохот до ломоты Во весь Нахимовский проспект. На историческом бульваре, Куда на этих днях свезен Военный лом былых аварий, Донцы и крымский дивизион. И любопытство, любопытство: Трехверстный берег под тупой, Пришедшей пить или топиться, Тридцатитысячной толпой. Она покрыла крыши барок Кишащей кашей черепах, И ковш приморского бульвара, И спуска каменный черпак. Он ею доверху унизан, Как копотью несметных птиц, Копящих силы по карнизам, Чтоб вихрем гари в ночь нестись. Когда сбегали испаренья И солнце, колыхнувши флот, Всплыло на водяной арене, Как обалдевший кашалот, В очистившейся панораме Обрисовался в двух шагах От шара – крейсер под парами, Как кочегар у очага.

5

Вдруг, как снег на голову, гул Толпы, как залп, стегнул Трехверстовой гранит И откатился с плит. Ура – ударом в борт, в штурвал, В бушприт! Ура навеки, наповал, Навзрыд! Над крейсером взвился сигнал: Командую флотом. Шмидт. Он вырвался как вздох Со dna души рядом, И не его вина, что не предостерег Своих, и их застиг врасплох, И рвется, в поисках эпох, В иные времена. Он вскинут, как магнит На нитке, и на миг Щетинит целый лес вестей В осиннике снастей. Над крейсером взвился сигнал: Командую флотом. Шмидт. И мачты рейда, как одна: Он ими вынесен и смыт И перехвачен второпях На двух – на трех – на четырех Военных кораблях.

Но иссякает ток подков, И облетает лес флажков, И по веревке, как зверек, Спускается кумач. А зверь, ползущий на флагшток, Ужасен, как немой толмач, И флаг андреевский – томящ, Как рок.

6

Когда с остальными увидел и шмидт, Что только медлительность мига хранит Бушприт и канаты От града и надо Немедля насытить его аппетит, Чтоб только на миг оттянуть канонаду, В нем точно проснулся дремавший орфей. И что ж он задумал, другого первой? Объехать эскадру, Усовестить ядра, Растрогать стальные созданыя верфей.

И на миноносце ушел он туда, Где, небо и гавань лоя в невода, В снастях, бездыханной Семей богдыханов, Династией далее дымились суда. Их строй был поистине неисчислим. Грядой пристаней не граничился клин, Но, весь громоздясь пелионом на оссу, Под лад броненосцам Качался и неся Обрывистый город в шпалерах маслин.

7

Он тихо шел от пушки к пушке, А даль неслась. Он шел под взглядами опухших, Голодных глаз.

И вот, стругая воду, будто Стальной терпуг, Он видел не толпу над бухтой, А петербург. Но что могло напомнить юность? Неужто сброд, Грязнивший слух, как сток гальюнный Для нечистот? С чужих бортов друзья по школе, Тех лет друзья, Ругались и встречали в колья, Петлей грозя. Назад! Зачем соваться под нос, Под дождь помой? Утратят ли боеспособность "Синоп" с "Чесмой" ?

8

Снова на миг повернувшись круто, Город от криков задрожал: На миноносец брали с "Прута" Освобожденных каторжан. Снова, приветствуем экипажем, На броненосцы всходил и глох И офицеров брал под стражу И уводил с собой в залог. В смене отчаянья и отваги Вновь, озираясь, мертвел, как холст: Всюду суда тасовали флаги. Стяг государства за красным полз. По возвращеньи же на "Очаков", Искрой надежды еще согрет, За волоса схватясь, заплакал, Как на ладони увидев рейд. "Эх, – простонал, – без ножа доконали!" Натиском зарев рдела вода. Дружно смеркалось. Рейд удлинляли Тучи, косматясь, как в холода. С суши, в порыве низкопоклонства, Шибче, чем надо, как никогда, Падали крыши складов и консульств, Камни и тени, скалы и солнце В воду и вечность, как невода. Все закружилось так, что в финале Обморок сшиб его без труда.

9

Был выпретен, как сердце, И тих закат, как вдруг Метнула пушка с "терца" Икру. Мгновенный взрыв котельной, Далекий крик с байдар, И – под воду. Смертельный Удар!

От катера к шаландам Пловцы, тела, балласт. И радость: часть команды Спаслась.

И началось. Пространства, клубясь, метнулись в бой, Чтоб пасть и опрастаться Пальбой.

10

Внутри настала ночь. Снаружи Зарделся движущийся хвост Над войском всех родов оружия И свойств.

Он лез, грабастая овраги, И треском разгонял толпу, И пламенел, и гладил флаги По лбу.

Как сумерки, сгустились снасти. В ревущей, хлещущей дряпне Пошла валить, как снег в ненастье, Шрапнель.

Она рвалась, в лету, на жнивьях, В расцвете лет людских, в воде, Рождая смерть, и визг, и вывих Везде.

Часть третья

1

"Все отшумело. Вставши поодаль, Чувствую всею силой чутья: Жребий завиден. Я жил и отдал Душу свою за други своя.

Высшего нет. Я сердцем – у цели и по пути в пустяках не увяз. Крут был подъем, и сегодня, в сочельник, Ошеломляюсь, остановясь. Но объясни. Полюбив даже вора, Как не рвануться к нему в каземат В дни, когда всюду только и спору, Нынче его или завтра казнят? Ты ж предпочла омрачить мне остаток дней. Прости мне эти слова. Спор подогнал бы мне таянье святок. Лучше задержим бег рождества. Где он, тот день, когда, вскрыв телеграмму, Все позабыв за твоим "навсегда", Жил я мечтой, как помчусь и нагряну? Как же, ты скажешь, попал я сюда? В вечер ее получения был митинг. Я предрекал неуспех мятежа, Но уж ничто не могло вразумить их. Ехать в ту ночь означало бежать. О, как рвался я к тебе! Было пыткой Браться и знать, что народ не готов, Жертвовать встречей и видеть в избытке Доводы в пользу других городов. Вера в разъезд по фабричным районам, В новую стачку и новый подъем, Может, сплеталась во мне с затаенным Чувством, что ездить будет вдвоем. Но повалила волна депутатий, Дума, эсдеки, звонок за звонком. Выехать было нельзя и пытаться. Вот и кончаю бунтовщиком. Кажется все. Я гораздо спокойней, чем ожидают. Что бишь еще? Да, а насчет севастопольской бойни, В старых газетах – полный отчет".

2

Послепогромной областью почтовый поезд в ромны Сквозь вопли вьюги доблестно прокладывает путь. Снаружи вихря гарканье, огарков проблеск

темный, Мигают гайки жаркие, на рельсах пляшет ртуть. Огни и искры чиркают, и дым над изголовьем Бежит за пассажиркою по лестницам витым. В одиннадцать, не вынеся немолчного злословья, Она встает, и – к выходу на вызов клеветы.

И молит, в дверь просунувшись: "Прошу вас,

не шумите... Нельзя же до полуночи!" И разом в лязг и дым Уносит оба голоса и выдумку о шмидте, И вьет и тащит по лесу, по лестницам витым. Наверно повод есть у ней, отворотятся

к простенку, Рыдать, сложа ответственность в сырой комок

платка. Вы догадались, кто она. – Его корреспондентка. В купе кругом рассованы конверты моряка.

А в ту же ночь в очакове в пурге и мыльной пене Полощет створки раковин песчаная коса. Постройки есть на острове, острог и укрепенье. Он весь из камня острого, и – чайки на часах. И неизвестно едущей, что эта крепость-тезка (очаков – крестный дедушка повстанца корабля) Таит по злой иронии звезду надежд матросских, От взора постороннего прибором отделя.

Но что пред забастовкою почтово-телеграфной Все тренья и неловкости во встрече двух сердец! Теперь хоть бейся об стену в борьбе с судьбой

неравной, Дознаться, где он, собственно, нет ни малейших

средств. До ромен не доехать ей. Не скрыться от мороки. Беглянка видит нехотя: забвенья нет в езде, И пешую иль бешено катящую, с дороги Ее вернут депешю к ее дурной звезде.

Тогда начнутся поиски, и происки, и слезы, И двери тюрем вскроются, и, вдоволь очернив, Сойдутся посноровистей объятая пьяной прозы, И смерть скользнет по повести, как оттиск

пятерни. И будет день посредственный, и разговор

в передней, И обморок, и шествие по лестнице витой, И тонуций в периодах, как камень, миг последний, И жажда что-то выудить из прорвы прожитой.

3

Как памятен ей этот переход! Презд в одессу ночью новогодней. С какою неохотой пароход стал поднимать в ту непогоду сходни! И утренней картины не забыть. В ушах шумело море горькой хиной. Снег перестал, но продолжали плыть Обрывки туч, как кисти балдахина. И из кучки пирамид Привстал маяк поганкою мухортой. "Мадам, вот остров, где томится Шмидт", И публика шагнула вправо к борту. Когда пороховые погреба Зашли за строй барачков карантинных, Какой-то образ трупного гриба Остался гнить от виденной картины. Понурый, хмурый, черный островок Несло водой, как шляпку мухомора. Кружась в водовороте, как плевков, Он затонул от полного измора. Тем часом пирамиды из химер Слагались в город, становились тверже И вдруг, застав слезами глазомер, Образовали крепостные горжи.

4

Однако, как свежо очаков дан у данта! Амбары, каланча, тачанки, облака... Все это так, но он дорогой к коменданту, В отличие от нее, имел проводника. Как ткнуться? Что сказать? Перебрала оттенки. "Я – confidentка Шмидта? Я – его дневник? Я – крик его души из номеров ткачки, Вот для него цветы и связка старых книг? Удобно ли тогда с корзиной гиацинтов, Не значась в их глазах ни в браке, ни в

родстве?" Так думала она, и ветер рвал косынку С земли, и даль неслась за крепостной бруствер. Но это все затмил прием у генерала. Индюшачий кадык спирал сухой коклюш. Желтел натертый пол, по окнам темь ныряла, И снег махоркой жег большие глотки луж.

5

Уездная глушь захолустья. Распев петухов по утрам, И холостячий устье Весенний флюс днепра. Таким дрянным городишкой Очаков во плоти Встает, как смерть, притихши У шмидтовцев на пути. Похоже, с лент матросских Сошедши без следа, Он стал землей в отместку И местом для суда. Две крепости, два погоста Да горсточка халуп, Свиной и галок вдосталь И офицерский клуб.

Без преувеличенья Ты слышишь в эту тишь, Как хлопаются тени С пригретых солнцем крыш. И звякнет ли шпорами ротмистр, Прослякотит ли солдат, В следах их – соли подмесь. Вся отмель – точно в сельдях.

О, суши воздух ковкий, Земли горячий фарш! "караул, в винтовки! Партия, шагом марш!" И, вбок косясь на приезжих, Особым скоком сорок Сторонится побережье На их пути в острог.

О, воздух после трюма, И высадки триумф! Но в этот час угрюмый Ничто нейдет на ум. И горько, как на расстанках, Качают головой Заборы арестанты, И кони, и конвой.

Прошли, – и в двери с бранью Костяшками бьет тишина...

Военного собранья Фисташковая стена. Из зал выносят мебель. В них скоро ворвется гул. Два писаря. Фельдфебель. Казачий подъесаул.

6

Над Очаковым пронес Ветер тучу слез и хмари И свалился на базаре Наковальнею в навоз. И, на всех остервенясь, Дождик, первенец творенья, Горсть за горстью, к горсти горсть, Хлынул шумным увереньем В снег и грязь, в снег и грязь, На зиму остервенясь. А немного погода, С треском расшатавши крючья, Шлепнулся и всею тучей Водяной бурдюк дождя. Этот странный талисман, С неба сорванный истомой, Весь – туманного письма, Рухнул вниз не по-пустому. Каждым всхлипом он прилип К разрывным побегам лип Накладным листом пистона. Хлопнуть вплоть, пропороть, Выстрел, цвет, тепло и плоть. Но зима не верит в близость, В даль и смерть верит снег. И седое небо, низясь, Сыплет пригоршнями известь. Это зимний катехизис Шепчут хлопья в полусне. И, шипя, кружит крупа По небу и мертвой глине, Но мгновенный вздох теплыни Одевает черепа. Пусть тоща, как щепы, Вяжь цветочного шипа, Новолунию улыбаясь, Как на шапке шалопая, Сохнет краска голубая На сырых концах серпа. И, долбя и колупая Лыдины старого пласта, Спит и ломом бьет по

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
сини, Рты колоколов разиня, Размечтавшийся в уныньи Звон великого поста.
Наблюдая тяжбу льда, В этом звяканьи спросонья Подоконниками тонет Зал военного
суда. Все живое баззаконье, Вся душевная бурда, Из зачатий и агоний В снеге,
слякоти и звоне Перед ним , как на ладони, Ныне так же, как тогда.

Чем же занято собрание? Казнь звали в те года Переправу к березани.
Современность просит дани: Высшей мере наказанья Служат эти господа.

7

Скамьи, шашки, выпушка охраны, Обмороки, крики, схватки спазм. Чтение, чтение,
чтение, несмотря на Головокружение, несмотря На пары нашатыря и пряный, Пьяный
запах слез и валерьяны, Чтение без пенья тропаря, Рана, и жандармы-ветераны,
Шаровары и кушак царя, И под люстрой зайчик восьмигранный.

Чтение, несмотря на то, что рано Или поздно, сами, будет день, Сядут там же за
грехи тирана В грязных клочьях поседельх пасм. Будет так же ветрен день
весенний, Будет страшно стать живой мишенью, Будут высшие соображенья И капли
вешней дребедень. Будут схватки астмы. Будет чтение, Чтение, чтение без конца и
пауз.

Версты обвинительного акта, Шапку в зубы, только не рыдать! Недра шахт вдоль
нерчинского тракта. Каторга, какая благодать! Только что и думать о соблазне.
Шапку в зубы – да минуй озноб! Мысль о казни – топи непролазней: С лавки
съедешь, с головой увязнешь, Двинешься, чтоб вырваться, и – хлоп. Тормошат,
повертывают навзничь, Отливают, волокут, как сноп.

В перерывах – таска на гауптвахту Плотной кучей, в полузабытьи. Ружья, лужи,
вязкий шаг без такта, Пики, гики, крики: осади!

– 181 Утки – крикать, курицы – кудахтать, Свист нагаек, взбрызги колеи. Это
небо, пахнущее как-то Так, как будто день, как масло, спахтан! Эти лица, и в
толпе – свои! Эти бабы, плачущие в плахтах! Пики, гики, крики: осади!

8

Кому-то стало дурно. Казалось, жуть минуты Простерлась от кинбурна До хуторов и
фольварков За мысом тарканхутом. Послышалось сморканье Жандармов и охранников, и
жилы вздулись жолвями На лбах у караульных. Забывши об уставе, Конвойную
оставили Полуживые ружья И терли кулаками Трясущиеся скулы. При виде этой
вольности Кто-то безотчетно Полез уж за револьвером, Но так и замер в позе
Предчувствия чего-то, Похожего на бурю, С рукой на кобуре. Волнение предгрозя
Окуталось удушьем, Давно уже идущим Откуда-то от ольвии. И вот он поднялся.
Слепой порыв безмолвия Стянул гусиной кожей Тазы и пояса, И, протащившись с
дрожью, Как зябкая оса, По записям и папкам, За пазухи и шапки Заполз под
волоса. И точно шла работа По сборке эшафота, Стал слышен частый стук
Полутораста штук Расколебавших сумрак Пустых сердечных сумок. Все были
предупреждены, Но это превзошло расчеты. "Тише!" – Крикнул кто-то, Не вынеши
тишины.

"Напрасно в годы хаоса Искать конца благого. Одним карать и каяться. Другим –
кончать голгофой.

Как вы, я – часть великого Перемещенья сроков, И я приму ваш приговор Без гнева
и упрека.

Наверно, вы не дрогнете, Сметая человека. Что ж, мученики догмата, Вы тоже –
жертвы века.

Я тридцать лет вынашивал Любовь к родному краю, И снисхожденья вашего Не жду и
не теряю.

В те дни, – а вы их видели, И помните, в какие, Я был из ряда выделен Волной
самой стихии.

Не встать со всею родиной Мне было б тяжелее, И о дороге пройденной Теперь не
сожалею.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
я знаю, что столб, у которого я стану, будет гранью двух разных эпох истории, и радуюсь избранью" .

9

Двум из осужденных, а всех их было четверо, Думалось еще - из четырех двоим. Ветер гладил звезды горячо и жертвенно Вечным чем-то, чем-то зиждущим своим.

Распростившись с ними, жизнь брела по дамбе, Удаляясь к людям в спящий городок. Незнание вздрагивала плавниками камбалы. Тихо, миг за мигом рос ее приток. Близился конец, и не спалось тюремщикам. Быть в тот миг могло примерно два часа. Зыбь переминалась, пожирая жемчуг. Так, чем свет, в конюшнях дремлет хруст овса. Остальных пьянила ширь весны и каторги. Люки были настезь, и точно у миног, Округлясь, дышали рты иллюминаторов. Транспорт колыхался, как сонный осьминог. Вдруг по тьме мурашками пробежал прожектор. "Прут" зевнул, втянув тысячеперстие лап. Свет повел ноздрями, пробираясь к жертвам. Заскрипели петли. Упал железный трап. Это канонерка пристала к люку угольному. Свет всадил с шипеньем внутрь свою иглу. Клетку ослепило. Отпрянули испуганно. Путаясь костями в цепях, забились вглубь. Но затем, не в силах более крепиться, Бросились к решетке, колясь о сноп лучей и крича: "Не мучьте! Кончайте, кровопийцы!" Потянулись с дрожью в руки палачей. Счет пошел на миги. Крик: "Прощай, товарищи!" Породил содом. Прожектор побежал, Окунаясь в вопли, по люкам, лбам и наручням, И пропал, потушенный рыданьем каторжан.

С п е к т о р с к и й

(1925 - 1931)

Вступленье

Привыкши выковыривать изюм Певучестей из жизни сладкой сайки, Я раз оставить должен был стезю Обьевавшегося рифмами всезнайки. Я бедствовал. У нас родился сын. Ребятства пришлось на время бросить. Свой возраст взглядом смеривши косым, Я первую на нем заметил проседь. Но я не засиделся на мели. Нашелся друг отзывчивый и рьяный. Меня без отлагательств привлекли К подбору иностранной лениньяны. Задача состояла в ловле фраз О ленине. Вниманье не дремало. Вылавливая их, как водолаз, Я по журналам понырять немало.

Мандат предоставлял большой простор. Пуская в дело разрезальный ножик, Я каждый день форсировал босфор Малодоступных публике обложек.

То был двадцать четвертый год. Декабрь Твердел к окну витринному притертый. И холодел, как оттиск медяка, На опухоли теплой и нетвердой.

Читальни департаментский покой Не посещался шумом дальних улиц. Лишь ближней, с перевязанной щекой Мелькал в дверях рабочий ридикюлец.

Обычно ей бывало не до ляс С библиотекаршей наркоминдела. Набегавшись, она во всякий час Неслась в снежинках за угол по делу.

Их колыхало, и сквозь флер невзгод, Косясь на комья светло-серой грусти, Знакомился я с новостями мод И узнавал о конраде и прусте.

Вот в этих-то журналах, стороной И стал встречаться я как бы в тумане Со славою мари ильиной, Снискавшей нам всемирное вниманье.

Она была в чести и на виду, Но указанья шли из страшной дали И отсылали к старому труду, Которого уже не обсуждали.

Скорей всего то был большой убор Тем более дремучей, чем скупее Показанной читателю в упор Таинственной какой-то эпопеи,

Где, верно, все, что было слез и снов, И до крови кроил наш век закройщик, Простерлось красотой без катастроф И стало правдой сроков без отсрочки. Все как один, всяк за десятерых Хвалили стиль и новизну метафор, И с островами спорил материк, Английский ли она иль русский автор. Но я не ведал, что проистечет Из этих внеслужебных интересов. На рождестве я получил расчет, Пути к дальнейшим розыскам отрезав. Тогда в освободившийся досуг Я стал писать Спекторского, с

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
отвычки Занявшись человеком без заслуг, Дружившим с упомянутой москвичкой. На свете былей непочатый край, Ничем не замечательных – тем боле. Не лез бы я и с этой, не сыграй Статьи о ней своей особой роли. Они упали в прошлое снопом И озарили часть его на диво. Я стал писать Спекторского в слепом Повиновеньи силе объектива. Я б за героя не дал ничего И рассуждать о нем не скоро б начал, Но я писал про короб лучевой, В котором он передо мной маячил. Про мглу в мерцаньи плоски погребной, Которой ошибают прозы дебри, Когда нам ставит волосы копной Известье о неведомом шедевре. Про то, как ночью, от норы к норе, Дрожа, протягиваются в далекость Зонты косых московских фонарей С тоской дождя, попавшею в их фокус. Как носят капли вести о езде, И всю-то ночь все цокают да едут, Стуча подковой об одном гвозде То тут, то там, то в тот подъезд, то в этот. Светает. Осень, серость, старость, муть. Горшки и бритвы, щетки, папилютки. И жизнь прошла, успела промелькнуть, Как ночь под стук обшарпанной пролетки. Свинцовый свод. Рассвет. Дворы в воде. Железных крыш авторитетный тезис. Но где ж тот дом, та дверь, то детство, где Однажды мир прорезывался, грезясь? Где сердце друга? – Хитрых глаз прищур. Знали ли вы такого-то? – Наслышкой. Да, видно, жизнь проста... Но чересчур. И даже убедительна... Но слишком. Чужая даль. Чужой, чужой из труб По рвам и шляпам шлепающий дождик, И отчужденьем обращенный в дуб, Чужой, как мельник пушкинский, художник.

1

Весь день я спал, и, рушась от загона, На всем ходу гася в колбасных свет, Совсем еще по-зимнему вагоны К пяти заставам заматали след.

Сегодня ж ночью, теплым ветром залит, В трамвайных парках снег сошел дотла. И не напрасно лампа с жаром паялит Глаза в окно и рвется со стола.

Гашу ее. Темь. Я ни зги не вижу. Светает в семь, а снег как назло рыж. И любо ж, верно, крякать уткой в жиже И падать в слякоть, под кропила крыш!

Жует губами грязь. Орут невежи. По выбоинам стынет мутный квас. Как едется в такую рань приезжей, С самой посадки не смежавшей глаз?

Ей гололедица лепечет с дрожью, Что время позже, чем бывает в пять. Распутица цепляется за вожжи, Торцы грозятся в луже искупать.

Какая рань! В часы утра такие, Стихиям четверем открывши грудь, Лихие игроки, фехтуя кием, Кричат кому-нибудь: счастливый путь!

Трактирный гам еще глушит тетерю, Но вот, сорвав отдушину трескотню, Порыв разгула открывает двери Земле, воде, и ветру, и огню.

Как лешие, земля, вода и воля Сквозь сутолоку вешалок и шуб За голою русалкой алкоголя Врываются, ища губами губ.

Давно ковры трясут и лампы тушат, Не за горой заря, но и скорей Их четвертует трескотня вертушек, Кроит на части звон и лязг дверей. И вот идет подвыпивший разиня. Кабак как в половодье унесло. По лбу его, как по галош резине, Проволоклось раздолий помело. Пространство спит, влюбленное в пространство, и город грезит, по уши в воде, И море просьб, забывшихся и страстных, Спросонья плещет неизвестно где. Стоит и за сердце хватает бормот Дворов, предместий, мокрой мостовой, Калиток, капель... Чудный гул без формы, Как обморок и разговор с собой. В раскатах затихающего эха Неистовствует прерванный досуг: Нельзя без истерического смеха Лететь, едва потребуют услуг. "Ну и калоши. Точно с людоеда. Так обменяться стыдно и в бреду. Да ну их к ляду, и без них доеду, А не найду извозчика – дойду". В раскатах, затихающих к вокзалам, Бушует мысль о собственной судьбе, О сильной боли, о довольстве малым, О синей воле, о самом себе. Пока ломовики везут товары, Остатки ночи предают суду, Песком полощут горло тротуары, И клубы дыма борются на льду, Покамест оглашаются открытья На полном съезде капель и копыт, Пока бульвар с простительною прытью Скамью дождем растительным кропит, Пока березы, метлы, голодранцы, Афиши, кошки и столбы скользят Виденьями влюбленного пространства, Мы повесть на год отведем назад.

2

Трещал мороз, деревья вязли в кружке Пунцовой стужи, пьяной, как крюшон, скрипучий сумрак раскупал игрушки И плыл в ветвях, от дола отрешен.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Посеребрённых ног роскошный шорох Пугал в полете сизых голубей, Волокся в дыме и висел во взорах Воздушным лесом елочных цепей.

И солнца диск, едва проспавшись, сразу Бросался к жженке и, круша сервиз,
Растягивался тут же возле вазы, Нарезавшись до положенья риз.

Причин средь этой сладкой лихорадки Нашлось немало, чтобы к рождеству Любовь с
сердцами наигравшись в прятки, Внезапно стала делом наяву.

Был день, Спекторский понял, что не столько Прекрасна жизнь, и ольга, и зима,
Как подо льдом открылся ключ жестокий, Которого исток – она сама.

И чем наплыв у проруби громадней, И чем его растерянность видней, И чем она
милей и ненаглядней, Тем ближе срок, и это дело дней.

Поселок дачный, срубленный в дуброве, Блистал слюдой, переливался льдом, И целым
бором ели, свесив брови, Брели на полузанесенный дом.

И, набредя, спохватывались: вот он, Косою ниткой инея исшит, Вчерашней бурей на
живуху сметан, Пустыню комнат башлыком вершит.

Валясь от гула и людьми покинут, Ночами бредя шумом полых вод, Держался тем
балкон, что вьюги минут, Как позапрошлый и как прошлый год.

А там от леса влево, где-то с тылу Шатая ночь, как воспаленный зуб, На
полустанке лампочка коптила И жили люди, не снимая шуб.

Забывший дом служил как бы резервом Кружку людей, знакомых по москве, И потому
бухтеевым не первым Подумалось о нем на рождестве. В самом кружке немало было
выжиг, Немало присоседалось извне. Решили новый год встречать на лыжах, Неся
расход со всеми наравне. Их было много, ехавших на встречу. Опустим планы,
сборы, переезд. О личностях не может быть и речи. На них поставим лучше тут же
крест. Знаком ли вам сумбур таких компаний, Благоприятный бурной тайне двух?
Кругом галдят, как бубенцы в тимпане, От сердцевины отвлекая слух. Счесть
невозможно, сколько новогодних Встреч было ими спрыснуто в пути. Они нуждались в
фонарях и сходнях, Чтоб на разъезде с поезда сойти. Он сплыл, и колесом вдоль
чащ ушастых По шпалам стал ходить, и прогудел Чугунный мост, и взвыл лесной
участок, и разрыдался весь лесной удел. Ночные тени к каске стали красться.
Простор был ослепительно волнист. Толпой ввалились в зал второго класса
Переобуться и нанять возниц. Не торговались – спяна люди щедры, Не многих
отрезвляла тишина. Пожар несло к лесам попутным ветром, Бренчаньем сбруи,
бульканьем вина. Был снег волнист, окольный путь – извилист, И каждый шаг
готовил им сюрприз. На розвальнях до колики резвились, И женский смех, как снег,
был серебрист. "Не слышу. Это тот, что за березой? Но я ж не кошка, чтоб
впотьмах..." Толчок, Другой и третий, – и конец обоза Влетает в лес, как к
рыбаку в сачок. "Особенно же я вам благодарна За этот такт: за то, что ни с
одним..." Ухаб, другой. – "Ну, как?" – А мы на парных. "А мы кульков своих не
отдадим". На вышке дуло, и, меняя скорость, То замирали, то неслись часы. Из
сада к окнам стаскивали хворост Четыре световые полосы.

Внизу смеялись. Лежа на диване, Он под пол вниз перебирался весь, Где праздник
обгоняло одеванье. Был третий день их пребывания здесь.

Дверь врезалась в сугроб на пол-аршина. Год и на воле явно иссякал. Рядок
обледенелых порошинок Упал куском с дверного косяка,

И обступила тьма. А ну, как срежусь? Мелькнула мысль, но, зажимая рот, Ее сняла
и опровергла свежесть К самим перилам кравших широт.

В ту ночь еще ребенок годовалый За полную неопытностью чувств, Он содрогался. "В
случае провала Какой я новой шуткой отшучусь?"

Закрыв глаза, он ночь, как сок арбуза, Впивал, и снег, вливаясь в душу, рдел.
Роптала тьма, что год и ей в обузу. Все порывалось за его предел.

Спустившись вниз, он разом стал в затылок Пыланью ламп, опилок, подолов,
Лимонов, яблок, колпаков с бутылок И снежной пыли, ползшей из углов.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Все были в сборе, и гудящей бортью Бил в переборки радости прилив. Смеялись, торт черт знает чем испортив, И фыркали, салат пересолив.

Рассказывать ли, как столпились, сели, Сидят, встают, – шумят, смеются, пьют? За рубенсовской росписью веселья Мы влюбимся, и тут-то нам капут:

Мы влюбимся, тогда конец работе, И дни пойдут по гулкой мостовой Скакать через колесные ободья И колотиться об землю головой.

Висит и так на волоске поэма. Да и забыться я не вижу средств: Мы без суда осуждены и немые, А обнесенный будет вечно трезв. За что же пьют? За четырех хозяек. За их глаза, за встечи в мясоед. За то, чтобы поэтом стал прозаик И полубогом сделался поэт. В разгаре ужин. Вдруг, без перехода: "Нет! Тише! Рано! Встаньте! Ваши врут! Без двух!.. Без возражений!.. С новым годом!" И гранных дюжин громовой салют. "О мальчик мой, и ты, как все, забудешь И возмужавши, назовешь мечтой Те дни, когда еще ты верил в чудищ? О, помни их, без них любовь ничто. О, если б мне на память их оставить! Без них мы прах, без них равны нулю. Но я люблю, как ты, и я сама ведь их нынешнею ночью утоплю. Я дунавеньем наготы свалю их. Всей женской подноготной растворю. И тени детства схлынут в поцелуях. Мы разойдемся по календарю. Шепчу? – Нет, нет. – С ликером, и покрепче. Шепчу не я, – вишневки чернота. Карениной, – так той дорожный сцепщик В бреду под чепчик что-то бормотал". Идут часы. Поставлены шарады. Сдвигают стулья. Как прибор, клубит не то оркестра шум, не то оршада, Висячей лампой к скатерти прибит. И год не нов. Другой новей обещан. Весь вечер кто-то чистит апельсин. Весь вечер вьюга, не щадя затрещин, Врывается сквозь трещины тесин. Но юбки вьются, и поток ступеней, Сорвавшись вниз, отпрядывает вверх. Ядро кадрили в полном исступленьи Разбрызгивает весь свой фейерверк, И все стихает. Точно топот, рухнув За кухню, попал в провал, в мальстром, В века... – Рассвет. Ни звука. Лампа тухнет, И елка иглы осыпает в крем. До лыж ли тут! Что сделалось с погодой? Несутся тучи мимо деревень. И штук пятнадцать солнечных заходов Отметили в окно за этот день.

С утра назавтра с кровли, с можжевелин Льет в три ручья. Бурда бурдой. С утра Промозглый день теплом и ветром хмелен, Точь-в-точь как сами лыжники вчера.

По талой каше шлепают калошки. У поля все смешалось в голове. И облака, как крашенные ложки, Крутятся, плывут в вареной синеве.

На пятый день, при всех, Спекторский, бойко Взглянув на ольгу, говорит, что спектр Разложен новогоднею попойкой И оттого-то пляшет барометр.

И так как шутка не совсем понятна И вокруг нее стихает болтовня, То, путаясь, он лезет на попятный И, покраснев, смолкает на два дня.

3

"Для бодрости ты б малость подхлестнул. Похоже, жаркий будет день, разведрясь". Чихает цинк, ручьи сочат весну, Шуруя снег, бушует левый подрез.

Струится грязь, ручьи на все лады, Хваля весну, разворковались в голос, И, выдирая полость из воды, Стучит, скача по камню, правый полоз.

При въезде в переулочек он на миг Припомнит утро въезда к генеральше, Приятно будет, показав язык Своей норе, проехать фертном дальше.

Но что за притча! Пред его дверьми Слезает с санок дама с чемоданом. И эта дама – "стой же, черт возьми! Наташа, ты? ...Негаданно, нежданно? ..

Вот радость! Здравствуй. Просто стыд и срам. Ну, что б черкнуть? Как ехалось? Надолго? Оставь, пустое, взволочу и сам. Толкай смелей, она у нас заволгла. Да резонанс ужасный. Это в сад. А хоть и спят? Ну что ж, давай потише. Как не писать, писал дня три назад. Признаться, и они не чаще пишут. Вот мы и дома. Ставь хоть на рояль. Чего ты смотришь?" – "Боже, сколько пыли! Разгром! Что где! На всех вещах вуаль. Скажи, тут, верно, год полов не мыли?" Когда он в сумерки открыл глаза, Не сразу он узнал свою берлогу. Она была светлей, чем бирюза По выкупе из долгого залога. Но где ж сестра? Куда она ушла? Откуда эта пара цинерарий? Тележный гул колеблет глады стекла, И слышен каждый шаг на тротуаре. Горит закат. На переплетах книг, Как угли, тлеют переплеты окон. К нему несут по лестнице сенник, Внизу на кухне гроыхнули блоком. Не спите днем.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Пластается в длину Дыханье парового отопленья. Очнувшись, вы очутитесь в плену Гнетущей грусти и смертельной лени. Несдобровать забывшемуся сном При жизни солнца, до его захода. Хотя этот день – хотя бы этим днем Был вешний день тринадцатого года. Не спите днем. Как временный трактат, Скрепит ваш сон с минувшим мировую. Но это перемирие прекратят! И дернуло ж вас днем на боковую. Вас упоил огонь кирпичных стен, Свалила пренебрегнутая прелесть В урочный час неocenенных сцен, Вы на огне своих ошибок грелись. Вам дико все. Призвание, год, число. Вы угорели. Вас качала жалость. Вы поняли, что время бы не шло, Когда б оно на нас не обижалось.

4

Стояло утро, летнего теплей, И ознаменовалось первой крупной Головомойкой в жизни тополей, Которым сутки стукнуло невступно. Прошедшей ночью свет увидел дерн. Дорожки просыхали, как дерюга. Клубясь бульварным рокотом валторн, По ним мячом катился ветер с юга.

И той же ночью с часа за второй, Вооружась "громокипящим кубком", Последний сон проспори́л брат с сестрой. Теперь они носились по покупкам.

Хвосты у касс, расчеты и чай Влияли мало на наташин норов, И в шуме предотъездной толчеи Не обошлось у них без разговоров.

Слова лились, внезапно становясь Бессвязней сна. Когда ж еще вдобавок Приказчик расстилал пред ними бязь, Остаток связи спарывал прилавок.

От недосыпу брат молчал и кис, Сестра ж трещала под дыханьем бриза, Как языки опущенных маркиз И сквозняки и лифты мерилиза.

"Ты спрашиваешь, отчего я злюсь? Садись удобней, дай и я подвинусь. Вот видишь ли, ты – молод, это плюс, А твой отрыв от поколенья – минус.

Ты вне исканий, к моему стыду. В каком ты стане? Кстати, как неловко, Что за отъездом я не попаду С товарищами паши на маевку.

Ты возразишь, что я не глубока? По-твоему, ты мне простишь поспешность, Я что-то вроде синего чулка, И только всех обманывает внешность? "

"Оставим спор, Наташа. Я неправ? Ты праведница? Ну и на здоровье. Я сыт молчаньем без твоих приправ. Прости, я б мог отбрить еще суровой" . Таким-то родом оба провели Последний день, случайно не повздорив. Он начался, как сказано, в пыли, Попал под дождь и к ночи стал лазорев. На земляном валу из-за угла Встает цветник, живой цветник из фета. Что и земля, как клумба, и круга, Поют судки вокзального буфета. Бокалы, карты кушаний и вин. Пивные сетки. Пальмовые ветки. Пары борща. Процессии корзин. Свистки, звонки. Крахмальные салфетки. Кондуктора. Ковши из серебра. Литые бра. Людских роев метанье. И гулкие удары в буфера Тарелками со щавелем в сметане. Стекланные воздушные шары. Наклонность сводов к лошадиным дозам. Прибытие огнедышащей горы, Несомой с громом потным паровозом. Потом перрон и град шагов и фраз, И чей-то крик: "Так, значит, завтра в Нижнем?" И у окна: "Итак, в последний раз. Ступай. Мы больше ничего не выжмем." И вот, залившись тонкой фистулой, Чугунный смерч уносится за язу и осыпает просеки золой И пилит лес сипеньем вестингауза. И дочищает вырубку сплеча, И, разлетаясь все неизреченней, Несет жену фабричного врача В чехле из гари к месту назначенья. С вокзала возвращаются с трудом, Брезгливую улыбку пересилия. О город, город, жалкий скопидом, Что ты собрал на льне и керосине? Что перенял ты от былых господ? Большой ли капитал тобою нажит? Бегущий к паровозу небосвод Содержит все, что сказано и скажут. Ты каторгой купил себе уют И путаешься в собственных расчетах, А по предместьям это сознают И в пригородах вечно ждут чего-то.

Догадки эти вовсе не кивок В твой огород, ревнивый теоретик. Предвестий политических тревог Довольно мало в ожиданьях этих.

Но эти вещи в нравах слобожан, Где кругозор свободнее гораздо,

И городской рубеж перебежав, Гуляет рощ зеленая зараза.

Природа ж – ненадежный элемент. Ее вовек оседло не поселишь. Она всем телом

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
алчет перемен И вся цветет из дружной жажды зрелищ.

Все это постигаешь у застав, Где с фонарями в выкаченном чреве За зданья
задевают поезда И рельсами беременны деревья;

Где нет мотивов и перипетий, Но, аппетитно выпятив цилиндры, Паровичок на
стрелке кипятит Туман лугов, как молоко с селитрой.

Все это постигаешь у застав, Где вещи рыщут в растворенном виде. В таком флюиде
встретил их состав И мой герой, из тьмы вокзальной выйдя.

Заря вела его на поводу И, жаркой лайкой стягивая тело, На деле подтверждала
правоту Его судьбы, сложенья и удела.

Он жмурился и чувствовал на лбу игру той самой замши и шагрени, Которой небо
кутало толпу И сутолоку мостовой игреней.

Затянутый все в тот же желтый жар Горячей кожи, надушенной амброй, Пылil и плыл
заштатный тротуар, Раздувши ставни, парные, как жабры.

Но по садам тягучий матерьял Преображался, породнясь с листвою, И одухотворялся
и терял Все, что на гулкой мостовой усвоил. Где средь травы, тайком, наедине,
Дорожку к дому огненно наохрив, Вечерний сплав смертельно леденел, Как будто
солнце ставили на погреб. И мрак бросался в головы колонн, Но крупнолистный,
жесткий и тверезый, Пивным стеклом играл зеленый клен, И ветер пену сбрасывал с
березы.

5

Едва вагона выгнутая дверь Захлопнулась за сестриной персоной, Действительность,
как выпавшийся зверь, Потягиваясь, поднялась спросонок. Она не выносила
пустомель, И только ей вернули старый навык, Вздохнула вслух, как дышит карамель
В крохмальной тьме колониальных лавок. Учувя нюхом эту москатель, Голодный город
вышел из берлоги, Мотнул хвостом, зевнул и раскатил Тележный гул семи холмов
отлогих. Тоска убийств, насилий и бессудств Ударила песком по рту фортуны И
сжала крик, теснившийся из уст Красноречивой некогда вертуни. И так как ей
ничто не шло в башку, То не судьба, а первое пустое Несчастье приготовилось к
прыжку, Запасшись склянкой с серной кислотой. Вот тут с разбега он и налетел на
сашку бальца. Всей сквозной округой. Всей тьмой. На полусон. На полутень, На
что-то вроде рока. Вроде друга. Всей световой натугой – на портал, Всей лайкою
упругой – на деревья, Где бальц как перст перчаточный торчал. А говорили, –
болен и в жене. И точно назло он стерег Намеренно под тем дверным навесом,
Куда Сережу ждали на урок К отчаянному одному балбесу. Но выяснилось им в один
подъезд, Где наверху в придачу к прошлым тещам У бальца оказался новый тесть,
Одной из жен пресимпатичный отчим.

Там помещался новый бальцев штаб. Но у порога кончилась морока, И, пятясь из
приятелевых лап, Сергей поклялся забежать с урока.

Смешная частность. Сашка был мастак По части записного словоблудья. Он ждал
гостей и о своих гостях Таинственно заметил: "Будут люди".

Услыша сей внушительный посул, Сергей представил некоторой меккой Эффектный дом,
где каждый венский стул Готов к пришествию сверхчеловека.

Смеясь в душе, "Приступим, – возгласил, Входя, Сережа. – Как делишки, Миша?" И,
сдерживаясь из последних сил, Уселся в кресло у оконной ниши.

"Не странно ли, что все еще висит, И дуется, и сесть не может солнце?" Обдумывая
будущий визит, Не вслушивался он в слова питомца.

Из окон открывался чудный вид, Обитый темно-золотистой кожей. Диван был тоже
кожей обит. "Какая чушь!" – Подумалось Сереже.

Он не любил семьи ученика. Их здравый смысл был тяжелей увечья, А путь прямой и
проще тупика. Читали "Кнут" , выписывали "Вече".

Кобылкины старались корчить злюк, Но даже голосов свирепый холод Всегда сбивался
Страница 46

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
на плаксивый звук, Как если кто задет или уколот.

Особенно заметно у самой Страдальчества растравленная рана Изобличалась музыкой прямой Богатого гаремного сопрано.

Не меньшею загадкой был и он, Невежда с правоведческим дипломом, Холоп с апломбом и хамелеон, Но лучших дней оплеванный обломок. В чаду мытарств угасшая душа, Соединял он в духе дел тогдашних Образование с маской ингуша И умудрялся рассуждать, как стражник. Но в целом мире не было людей Забитее при всей наружной спеси И участи забытей и лютей, Чем в этой цитадели мракобесья. Урчали краны порчею аорт, Ругалась, фартук подвернув, кухарка, И весь в рассрочку созданный комфорт Грозил сумой и кровью сердца харкал. По вечерам висячие часы Анализом докучных тем касались, И, как с цепей сорвавшиеся псы, Клопы со стен на встречного бросались. Урок кончался. Дом, как корифей, Топтал деревьев ветхий муравейник И кровли, к ночи ставшие кривей И точно потерявшие равнение. Сергей прощался. Что-то в нем росло, Как у детей средь суесловья взрослых, Как будто что-то плавно и без слов Навстречу дому близилось на веслах. Как-будто это приближался вскрик, С которым, позабыв о личной шкуре, Снимают с ближних бремя их вериг, Чтоб разбросать их по клавиатуре. В таких мечтах: "Ты видишь, - возгласил, Входя, Сергей, - я не обманщик, Сашка", И, сдерживаясь из последних сил, Присел к столу и пододвинул чашку. И осмотрелся. Симпатичный тесть Отсутствовал, но жил нельзя шикарней. Картины, бронзу все хотелось съесть, Все как бы в рот просилось, как в пекарне. И вдруг в мозгу мелькнуло: "И съедят. Не только дом, но раньше или позже И эту ночь, и тех, что тут сидят. Какая чушь!" - Подумалось Сереже. Но мысль осталась, завязав дуэт С тоской, что гложет поедом поэтов, И неизвестность, точно людоед, Окинула глазами эту. И увидала: полукруглый стол, Цветы и фрукты, и мужчин и женщин, И обреченья общий ореол, И девушку с прической а Та Ченчи.

И абажур, что как бы клал запрет Вовне, откуда робкий гимназистик Смотрел, как прочь отставленный портрет, На дружный круг живых характеристик.

На Сашку, на Сережу, - иногда На старшего уверенного брата, Который сдуру взял его сюда, Но, вероятно, уведет обратно.

Их называли, но как-то невдомек. Запало что-то вроде "мох" иль "лемех" . Переспросить Сережа их не мог, Затем что тон был взят, как в близких семьях.

Он наблюдал их, трогаясь игрой Двух крайностей, но из того же теста. Во младшем крылся будущий герой. А старший был мятежник, то есть деспот.

6

Неделю проскучал он, книг не трогав, Потом, торгуя что-то в зеленой, Подумал, что томиться нет предлогов, И повернул из лавки к ильиной.

Он чуть не улизнул от них сначала, Но на одном из бальцевских окон Над пропастью сидела и молчала По внешности - насмешница, как он.

Она была без вызова глазаста, Носила траур и нельзя честней Витала, чтобы не соврать, верст за сто. Урвав момент, он вышел вместе с ней.

Дорогою бессонный говор веток Был смутен и, как слух, тысячеуст. А главное, не делалось разведок По части пресловутых всяких чувств.

Таких вещей умели сторониться. Предметы были громче их самих. А по бульвару шмыгали зарницы И подымали спящих босомыг. И вот порой, как ветер без провесу Взвивал песок и свирепел и креп, Отец ее, - узнал он, - был профессор, Весной она по нем надела креп, И множество чего, - и эта лава Подробностей росла атакой в лоб И приближалась, как гроза, по праву, Дарованному от роду по гроб. Затем прошла неделя, и сегодня, Собравшись впервые к ней, он шел Рассеянной, чем за город, свободней, Чем с выпуска, за школьный часток. Когда-то дом был ложею масонской. Лет сто назад он перешел в казну. Пустые классы шурились на солнце. Ремонтный хлам располагал ко сну. В творилах с известью торчали болтны. Рогожа скупно пропускала свет. И было пусто, как бывает в полдни, Когда с лесов уходят на обед. Он долго в дверь стучался без успеха, А позади, как бабочка в плену, Безвыходно и пыльно билось эхо. Отбив кулак, он отошел к окну. Тут горбились задворки института, Катились градом балки, камни, пот, И, всюду сея мусор, точно

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru смуту, Ходило море земляных работ. Многолошадный, буйный, голоштаный, Двууглекислый двор кипел ключом, Разбрасывал лопатами фонтаны, Тянул, как квас, полки под кирпичом. Слонялся ветер, скважистый, как траур, Рябил, робел и, спины заголя, Завешивал рубахами брандмауэр И каменщиков гнал за флигеля. У них курились бороды и ломы, Как фитили у первых пушкарей. Тогда казалось – рядом жгут солому, Как на торфах в несметной мошкаре. Землистый залп сменялся белым хряском. Обвал бледнел, чтоб опухолью спасть. Показывались горловые связки. Дыханье щებня разевало пасть. Но вот он раз застал ее. Их встречи Пошли частить. Вне дней, когда не след. Он стал ходить: в ненастье; чуть рассветши: Во сне: в часы, которых в списках нет.

Отказов не предвиделось в приеме. Свиданья назначались: в пеньи птиц; В кистях дождя; в черемухе и в громе; Везде, где жизнь и двум не разойтись.

"Ах, это вы? Зажмурьтесь и застыньте", Услышал он в тот первый раз и миг, Когда, сторонний в этом лабиринте, Он сосвежу и точно стал в тупик.

Их разделял и ей служил эгидой Шкапных изнанок вытертый горбыль. "Ну, как? Поражены? Сейчас я выйду. Ночей не сплю. Ведь тут что вещь, то быть.

Ну, здравствуйте. Я думала – подрядчик. Они освобождают весь этаж, Но нет ни сил, ни стимулов бодрящих Поднять и вывезть этот ералаш.

А всех-то дел – двоих швейцаров, вас бы да три-четыре фуры – и на склад. Притом пора. Мой заграничный паспорт давно зовет из этих анфилад".

Так было в первый раз. Он знал, что встретит Глухую жизнь, породистую встарь, Но он не знал, что во второй и в третий Споткнется сам об этот инвентарь.

Уже помочь он ей не мог. Напротив. Вконец подпав под власть галиматьи, Он в этот склад обломков и лохмотьев Стал из дому переносить свои.

А щебень плыл и, поводя гортанью, Грозил и их когда-нибудь сглотнуть. На стройке упрощались очертанья, У них же хаос не редел отнюдь.

Свиданья учащались. С каждым новым Они клялись, что примутся за ум, И сложатся, и не проронят слова, Пока не сплавят весь шурум-бурум.

Но забывались, и в пылу беседы То громкое, что крепло с каждым днем, Овладевало ими напоследок И сделанное ставило вверх дном. Оно распорядилось с самодурством Неразберихой из неразберих и проливным и краткосрочным курсом Чему-то переучивало их. Холодный ветер, как струя муската, Споласкивал дыханье. За спиной, Затягиваясь ряскою раскатов, Прудилось устье ночи водяной. Вздыхали ветки. Заспанные прутья Потягивались, стукались, текли, Валились наземь в серых каплях ртути, Приподнимались в серебре с земли. Она ж дрожала и, забыв про старость, Влетала в окна и вонзала киль, Распластывая облако, как парус, В миротворенья послужную быль. Тут целовались, наяву и вживе. Тут, точно дым и ливень, мга и гам, Улыбкою к улыбке, грива к гриве, Жемчужинами льнули к жемчугам. Тогда в развале открывалась прелесть. Перебегая по краям зеркал, Меж блюд и мисок молнии вертелись, А следом гром откормленный скакал. И, завершая их игру с приданым, Не стоившим лишений и утрат, Ключами ударял по чемоданам Саврасый, частый, жадный летний град. Их распускали. Кипятили кофе. Загромождали чашками буфет. Почти всегда при этой катастрофе Унылой тенью вырастал рассвет. И с тем же неизменным постоянством Сползались с полу на ночной пикник Ковры в тюках, озера из фаянса И горы пыльных, беспросветных книг. Ломбардный хлам смотрел еще серее, Последних молний вздрагивала гроздь, И оба уносились в эмпиреи, Взаимоокрылившись, то есть врозь. Теперь меж ними пропасти зияли. Их что-то порознь запускало в цель. Едва касаясь пальцами рояля, Он плел своих экспромтов канитель. Сырое утро ежилось и дрыхло, Бросался ветер комьями в окно, И воздух падал сбивчиво и рыхло В мариин новый отрывной блокнот.

Среди ее стихов осталась запись Об этих днях, где почерк был иглист, Как тернии, и ненависть, как ляпис, Фонтаном клякс избороздила лист.

"Окно в лесах, и – две карикатуры, Чтобы избежать даровых смотрин, Мы занавесимся от штукатуров, Но не уйдем от показных витрин.

Мы рано, может статься, углубимся В неисследимый смысл добра и зла. Но суть не в

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
том. У жизни есть любимцы. Мне кажется, мы не из их числа.

Теперь у нас пора импровизаций. Когда же мы заговорим всерьез? Когда, иссякнув, станем подвизаться На поприще похороненных грез?

Исхода нет. Чем я зрелей, тем боле В мой обиход врывается земля И гонит волю и берет безволие Под кладбища, овраги и поля.

P.S. Все это требует проверки. Не верю мыслям, - семь погод на дню. В тот день, как вещи будут у шиперки, Я, вероятно, их перемену".

7

Конец пришел нечаянней и раньше, Чем думалось. Что этот человек никак не дон жуан и не обманщик, Сама мария знала лучше всех.

Но было б легче от прямых уколов, Чем от предполаганья наугад, Несчастия, участки, протоколы? Нет, нет, увольте. Жаль, что он не фат.

Бесило, что его домашний адрес Ей неизвестен. Оставалось жить, Рядиться в гнев и врать себе, не зазрясь, Чтоб скрыть страданье в горделивой лжи. И вот, лишь к горлу подступали клубья, Она спешила утопить их груз В оледенелом вопле самолюбья И яростью перешибала грусть. Три дня тоска, как призрак криволицый, Уставясь вдаль, блуждала средь тюков. Сергей Спекторский точно провалился, Пошел в читальню, да и был таков. А дело в том, что из библиотеки На радостях он забежал к себе. День был на редкость, шел он для потехи, И что ж нашел он на дверной скобе? Игра теней прохладной филигранью Качала пачку писем. Адресат Растерянно метнулся к телеграмме, Врученной десять дней тому назад. Он вытер пот. По смыслу этих литер, Он - сирота, быть может. Он связал Текущее и этот вызов в питер и вне себя помчался на вокзал. Когда он уличил себя под тверью В заботах о мариин, то постиг, что значит мать, и в детском суеверьи Шарахнулся от этих чувств простых. Так он и не дал знать ей, потому что С пути не смел, на месте ж - потому, что мать спасли, и он не видел нужды Двух суток ради прибегать к письму. Мать поправлялась. Через две недели, Очухавшись в свистках, в дыму, в листве, Он тер глаза. Кругом в плащах сидели. Почтовый поезд подходил к москве. Многолошадный, буйный, голоштаный... Скорей, скорей навстречу толкотне! Скорей, скорей к двери долгожданной! И кажется - да! Да! Она в окне! Скорей! Скорей! Его приезд в секрете. А вдруг, а вдруг? ..О, что он натворил! Тем и скорей через ступень на третью По лестнице без видимых перил. Клозеты, стружки, взрывы перебранки, Рубанки, сурик, сальная пенька. Пора б уж вон из войлока и дранки. Но где же дверь? Назад из тупика!

Да полно, все ль еще он в коридоре? Да нет, тут кухня! Печь, водопровод. Ведь он у ней, и всюду пыль и море Снесенных стен и брошенных работ!

8

Прошли года. Прошли дожди событий, Прошли, мрача юпитера чело. Пойдешь сводить концы за чаепитьем, Их точно сто. Но только шесть прошло.

Прошло шесть лет, и, дрему поборовши, Задвигались деревья, побурев. Закопошились дворики в пороше. Смел прусаков с сиденья табурет.

Сейчас мы руки углем замараем, Вмуруем в камень самоварный дым, И в рукопашной с медным самураем, С кипящим солнцем в комнаты влетим.

Но самурай закован в серый панцирь. К пустым сараям не протоптан след. Пролеты комнат канули в пространство.

Тогда скорей на крышу дома слазим, И вновь в роях недвижимых верениц Москва с размаху кувырнется наземь, Как ящик из-под киевских яиц.

Испакощенный тес ее растащен. Взамен оград какой-то чародей Огородил дощатый шорох чащи Живой стеной ночных очередей.

Кругом фураж, не дожранный морозом. Застряв в бурана бледных челюстях, Чернеют крупы палых паровозов И лошадей, шарахнутых врастяг.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Пещерный век на пустырях щербатых Понурыми фигурами проныр Напоминает города в карпатах: Москва – войны прощальный сувенир. Дырявя даль, и тут летели ядра, Затем, что воздух родины заклят, И половина края – люди кадра, А погибать без торгу – их уклад. Затем что небо гневно вечерами, Что распорядок штатский позабыт, И должен рдеть хотя б в военной раме Военной формы не носивший быт. Теперь и тут некстати блещет скатерть зимы; и тут в разрушенный очаг, Как наблюдатель на аэростате, Косое солнце смотрит натошак. Поэзия, не поступайся ширью. Храни живую точность: точность тайн. Не занимайся точками в пунктире И зерен в мере хлеба не считай! Недоуменьем меди орудиейной Стесни дыханье и спроси чтеца: Неужто, жив в охвате той картины, Он верит в быль отдельного лица? И, значит, место мне укажет, где бы, Как манекен, не трогаясь никем, Не стало бы в те дни немое небо В потоках крови и Шато д'Икем? Оно не льнуло ни к каким Спекторским, Не жаждало ничьих метаморфоз, Куда бы их по рубрикам конторским Позднейший бард и цензор ни отнес. Оно росло стеклянню заставой И с обреченных не спускало глаз По вдохновенью, а не по уставу, Что единицу побеждает класс. Бывают дни: черно-лиловой шишкой Над потасовкой вскочит небосвод, И воздух тих по слишком буйной вспышке, И сани трутся об его испод. И в печках жгут скопившиеся письма, И тучи хмуры и не ждут любви, И все б сошло за сказку, не проснись мы И оторопи мира не прерви. Случается: отпыхав в признаньях, Исходит снегом время в ноябре, И день скользит украдкой, как изгнанник, И этот день – пробел в календаре. И в киновари ренковского солнца Дымится иней, как вино и хлеб, И это дни побочного потомства В жару и правде не прямых судеб.

Куда-то пряча эти предпочтения, Не знает век, на чем он спит, лентяй. Садятся солнца, удлиняют тени, Чем старше дни, тем больше этих тайн.

Вдруг крик какой-то девочки в чулане. Дверь вдребезги, движенье, слезы, звон, И двор в дыму подавленных желаний, В босых ступнях несущихся знамен.

И та, что в фартук зарывала, мучась, Дремучий стыд, теперь, осатанев, Летит в пролом открытых преимуществ На гребне бесконечных степеней.

Дни, миги, дни, и вдруг единым сдвигом Событье исчезает за стеной И кажется тебе оттуда игом И ложью в мертвой корке ледяной.

Попутно выясняется: на свете Ни праха нет без пятнышка родства: Совместно с жизнью прижитые дети Дворы и бабы, галки и дрова.

И вот заря теряет стыд дочерний. Разбив окно ударом каблука, Она перелетает в руки черни И на ее руках за облака.

За ней ныряет шиворот сыновний. Ему тут оставаться не барыш. И небосклон уходит всем становьем Облитых снежной сывороткой крыш.

Ты одинок. И вновь беда стучится. Ушедшими оставлен протокол, Что ты и жизнь – старинные вещицы, А одинокость – это рококо.

Тогда ты в крик. Я вам не шут! Насилье! Я жил, как вы. Но отзыв предрешен: История не в том, что мы носили, А в том, как нас пускали нагишом.

Не плакалась, а пела вьюга. Чуть не как благовест к заутрене среди мги, Раскатывались снеговые крутни, И пели басом путников шаги. Угольный дом скользил за дом угольный, Откуда руки в поле простирал. Там мучили, там сбрасывали в штольни, Там измывался шахтами урал. Там ели хлеб, там гибли за бесценок, Там белкою кидался в пихту кедр, Там был зимы естественный застенок, Валютный фонд обледенелых недр. Там по юрам кустились перелески, Пристреливались, брали, жгли дотла, И подбегали к женщине в черкеске, Оглядывавшей эту шшрь с седла. Пред ней, за ней, обходом в тыл и с флангов, Курясь ползла гражданская война, И ты б узнал в наезднице беглянку, Что бросилась из твоего окна. По всей земле осипшим морем грусти, Дымясь, гремел и стался слух о ней, Марусе тихих русских захолуствий, Поколебавшей землю в десять дней. Не плакались, а пели снега крутни, И жулики ныряли внутрь пурги И укрывали ужасы и плутни И утопавших путников шаги. Как кратеры, дымились кольца вьюги, И к каждому подкрадывался вихрь, И переулки лопались с натуги, И вьюга вновь заклепывала их. Безвольные, по всей первопрестольной сугробами, с сугроба на сугроб, Раскачивая в торбах колокольни, Тащились цепи пешеходных троп.

В дни голода, когда вам слали на дом Повестки и никто вас не щадил, По старым сыромятниковским складам С утра бродило несколько чудил. То были литераторы. Союзу Писателей доверили разбор Обобществленной мебели и грузов В сараях бывших транспортных контор. Предвидя от кофейников до сабель Все различия домашнего старья, Определяла именная табель, Какую вещь в какой комиссариат.

Их из необходимости пустили К завалам ступина и прочих фирм, И не ошиблись: честным простофилям Служил мерилом римский децемвир.

Они гордились данным полномочьем. Меж тем смеркалось. Между тем шел снег. Предметы обихода шли рабочим, А ценности и провиант – казне.

В те дни у сыромятничьих окраин Был полудеревенский аромат, Пластался снег и, галками ограян, Был только этим карканьем примят.

И, раменье убрав огнем осенним И пламенем – брусы оконных рам, Закат бросался к полкам и храненьям И как бы убывал по номерам.

В румяный дух реберчатого теса Врывался визг отверток и клещей, И люди были тверды, как утесы, И лица были мертвы, как клише.

И лысы голоса. И близко-близко Над ухом, а казалось – вдалеке, Все спорили, как быть со штукой плиса, И серебро ли ковш иль аплике.

Срезали пломбы на ушках шпагата, И, мусора взрывая облака, Прикатывали кладь по дубликату, Кладовщика зовя издалека.

Отрыжкой отдуваясь от отмычек, Под крышками вздувался старый хлам, И давность потревоженных привычек Морозом пробегала по телам.

Но даты на квитанциях стояли, И лиц, из странствий не подавших весть, От срока сдачи скарба отделяли Год-два и редко-редко пять и шесть.

Дух путешествия казался старше, Чем понимали старость до сих пор. Дрожала кофт заржавленная саржа, И гнулся лифов колкий коленкор. Амбар, где шла разборка гардеробов, Плыл наугад, куда глаза глядят. Как волны в море, тропы и сугробы Тянули к рвоте, притупляя взгляд. Но было что-то в свойствах околотка, Что обращалось к мысли, и хотя Держало к ней, как высланная лодка, Но гибло, до нее не доходя. Недостовало, может быть, секунды, Чтоб вытянуться и поймать буюк, Но вновь и вновь, захлестнутая тундрой, Душа тонула в темноте таег. Как вдруг Спекторский обомлел и ахнул. В глазах, уставших от чужих перин, Блеснуло что-то яркое, как яхонт, Он увидал мариин лабиринт. "А ну-ка, – быстро молвил он, – коллега, Вот список. Жарьте по инвентарю. А я... А я неравнодушен к снегу: Пробегаюсь чуть-чуть и покурю". Был воздух тих, но если б веткой хрустнуть, Он снежным вихрем бросился б в галоп, Как эскимос, нависшей тучей сплюснут, Был небосвод лиловый низколоб. Был воздух тих, как в лодке китолова, Затерянной в тисках плавучих гор. Но если б хрустнуть веткою еловой, Все б сдвинулось и понеслось в опор. Он думал: "Где она – сейчас, сегодня?" И слышал рядом: "шелк. Чулки. Портвейн". "Счастливей моего ли и свободней, Со склада доносилось: "Дальше. Дальше. Под опись. В фонд. Под опись. В фонд.

В подвал". И монотонный голос, как гадальщик, Все что-то клал и что-то называл. Настала ночь. Сверхштатные ликурги Закрыли склад. Гаданья голос стих. Поднялся вихрь. Сережины окурки Пошли кружиться на манер шутих. Ему какие-то совали снимки. Событья дня не шли из головы. Он что-то отвечал и слышал в дымке: "Да вы взгляните только. Это вы? Нескромность? Обронили из альбома. Опомнитесь: кому из нас на дню Не строил рок подобного ж: любому Подсунул не знакомых, так родню".

Мело, мело. Метель костры лизала, Пигмеев сбив гигантски у огня. Я жил тогда у курского вокзала И тут-то наконец его нагнал.

я соблазнил его коробкой "Иры" и затащил к себе, причем – курьез: Он знал не хуже моего квартиру, Где кто-то под его присмотром рос.

Он тут же мне назвал былых хозяев, Которых я тогда же и забыл. У нас был чад отчаянный. Оттаяв, Все морщилось, размокши до стропил.

Темы и вариации. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
При самом входе, порох зря потратив, Он сразу облегчил свой патронташ И
рассказал про двух каких-то братьев, Припутав к братьям наш шестой этаж.

То были дни как раз таких коллизий. Один был учредиловец, другой Красногвардеец
первых тех дивизий, Что бились под сарептой и уфой.

Он был погублен чьею-то услугой. Тут чей-то замешался произвол, И кто-то вроде
рока, вроде друга Его под пулю чешскую подвел...

В квартиру нашу были, как в компотник, Набуханы продукты разных сфер: Швея,
студент, ответственный работник, Певица и смирившийся эсер.

Я знал, что эта женщина к партийцу. Партиец приходился ей родней. Узнав, что он
не скоро возвратится, Она уселась с книжкой в проходной.

Она читала, заслонив коптилку, Ложась на нас наплывом круглых плеч. Полпотолка
срезала тень затылка. Нам надо было залу пересечь.

Мы шли, как вдруг: "Спекторский, мы знакомы" Высокомерно раздалось нам вслед, И,
не готовый ни к чему такому, Я затесался третьим в тете-а-тете. Бухтеева мой шеф
по всей проформе, О чем тогда я не мечтал ничуть. Перескажу, что помню,
попроворней, Тем более, что понял только суть. Я помню ночь, и помню друга в
краске, И помню плоски утлый фитилек. Он изгибался, точно ход развязки Его по
глади масла ветром влек. Мне бросилось в глаза, с какой фриволью Невольный
вздорг улыбкой погася, Она шутя обдернула револьвер И в этом жесте выразилась
вся. Как явственной, чем полный вздох двурядки, Вздохнул у локтя кожаный рукав,
А взгляд, косой, лукавый взгляд бурятки, Сказал без слов: "мой друг, как ты
плюгав!" Присутствие мое их не смутило. Я заперся, но мой дверной засов лишь
удесятерил слепую силу Друг друга обгонявших голосов. Был разговор о свинстве
мнимых сфинксов, О принципах и принцах, но весом Был только темный призывок
материнства в презренье, в ласке, в жалости, во всем. "Вы вспомнили
рождественских застольцев?.. Изламываясь радугой стыда, Гремел вопрос. Я дочь
народовольцев. Вы этого не поняли тогда?" Он отвечал... "Но чтоб не быть
уродкой, Рвалось в ответ, ведь надо ж чем-то быть?" И вслед за тем: "Я родом
патриотка. Каким другим оружием вас добить?.." Уже мне начинало что-то сниться
(Я, видно, спал), как зазвенел звонок. Я выбежал, дрожа, открыть партийцу И
бросился назад что было ног. Но я прозяб, согреться было нечем, Постельное тепло
я упустил. И тут лишь вспомнил я о происшедшем. Пока я спал, обоих след простыл.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!